

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

К. В. Гусев
ИСТОРИЯ
„ДЕМОКРАТИ-
ЧЕСКОЙ
КОНТР-
РЕВОЛЮЦИИ“
В РОССИИ

8/1973

СЕРИЯ
ИСТОРИЯ

В брошюре раскрывается начальный период гражданской войны в СССР, известный под названием «демократической контрреволюции» и характеризующийся выдвижением мелкобуржуазных партий на первый план в качестве основных организаторов контрреволюционных сил. Автор показывает, как и почему мелкобуржуазные партии на определенном этапе оказались во главе контрреволюции, об их попытках проводить политику «третьей силы» и о крахе этой политики.

Освещение истории «демократической контрреволюции» весьма актуально, поскольку и сейчас враги социализма широко используют лозунги «чистой демократии» в том или ином виде.

-
- [Кирилл Владимирович Гусев](#)
 - [\[Вступление\]](#)
 - [Как появляются Кавеньяки \[7\]](#)
 - [Контрреволюция под флагом Учредительного собрания](#)
 - [Новая тактика «третьей силы»](#)
 - [«Чистая демократия» в авангарде контрреволюции](#)
 - [Вместо заключения](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)

- [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
-

Кирилл Владимирович Гусев

**История «демократической контрреволюции» в
России**

[Вступление]

Вопрос о диктатуре пролетариата занимает в марксистско-ленинской теории одно из центральных мест, имеет колоссальное значение для революционной борьбы и преобразовательной деятельности рабочего класса. Его ведущее положение в марксизме особо подчеркнуто К. Марксом в письме к Вейдемейеру, в котором, указывая В. И. Ленин, Марксу удалось очень рельефно выразить «во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве»^[1]. «То, что я сделал нового, — писал К. Маркс, — состояло в доказательстве следующего:

1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства,

2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»^[2]. Коренной проблемой пролетарской классовой борьбы, сутью марксизма считал вопрос о диктатуре пролетариата и В. И. Ленин, которому принадлежит широко известное, четкое определение: «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата»^[3]. Поэтому вполне закономерно, что и исторически вопрос о диктатуре пролетариата стал одним из главных в идеологической и политической борьбе в российском и международном революционном движении.

Уже К. Марксу и Ф. Энгельсу пришлось вести острую борьбу с бакунистами, лассальянцами и другими противниками диктатуры пролетариата. Так, К. Маркс высмеял мелкобуржуазную, утопическую идею Ласалля о «свободном народном государстве» в классово-антагонистическом обществе. Он указывал, что выдвинутые в ней политические требования «не содержат ничего, кроме известной всему миру демократической дребедени», а на главный вопрос о том, какому превращению подвергнется государственность при переходе к социализму, программа ответа не дает, ибо, «сколько бы тысяч раз ни сочетать слово народ со словом „государство“, это ни капельки не подвинет его разрешения», И именно критикуя лассальянцев, К. Маркс сформулировал свой знаменитый вывод: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»^[4].

Эта борьба была продолжена В. И. Лениным, который вел ее и на международной арене, подвергая резкой, уничтожающей критике оппортунистов II Интернационала, выдвинувших в противовес марксистскому учению о диктатуре пролетариата оппортунистическую, мелкобуржуазную теорию «чистой демократии», и на русской почве, где в качестве поборников «чистой демократии» выступили меньшевики и эсеры.

И сейчас, не всегда прямо, а, как писал В. И. Ленин, «в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной — более или менее оригинальной — обстановке»^[5], лозунги «чистой демократии» берутся на вооружение нашими идеологическими противниками. Их используют и ревизионисты, подтверждая тем самым сделанный в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина вывод о том, что «современный ревизионизм „усваивает“ идеи различных антиленинских течений, которые в свое время потерпели крах в открытых схватках с марксизмом-ленинизмом, и с их помощью пытается проникать внутрь коммунистических партий с целью навязать им свою линию...»^[6]. К ним

обращаются и буржуазные историки и социологи, стремясь противопоставить демократию социалистическому общественному строю и фальсифицируя историю борьбы за его победу в нашей стране.

В трудах В. И. Ленина разработка учения о диктатуре пролетариата теснейшим образом сочеталась с критикой мелкобуржуазной сущности и разоблачением контрреволюционной роли теорий «чистой демократии», «народовластия» и «третьей силы», противопоставлявшихся этому учению эсеро-меньшевистскими лидерами. Такое сочетание объяснялось, в частности, тем, что буржуазия в борьбе против революции не всегда выступала прямо под своими откровенно реакционными лозунгами реставрации капиталистических порядков. Порой она прикрывала свои истинные цели лозунгами «защиты демократии» и «народовластия», выдвигая на первый план мелкобуржуазные партии. В истории борьбы за Советскую власть — это явление, возможность которого предвидели К. Маркс и Ф. Энгельс и которое было глубоко проанализировано В. И. Лениным, получило очень характерное название «демократической контрреволюции». Обычно оно связывается с началом гражданской войны, когда действительно было выражено наиболее ярко и полно, однако начиналась «демократическая контрреволюция» раньше, ее корни лежат в позиции, занятой мелкобуржуазными партиями после победы в России Февральской буржуазно-демократической революции.

Как появляются Кавеньяки [7]

После свержения самодержавия к политике потянулось «неслыханно громадное число обывателей», миллионы мелких хозяйчиков, стоявших между буржуазией и пролетариатом. «Гигантская мелкобуржуазная волна» подняла на своем гребне представителей мелкобуржуазных демократических партий, выражавших точку зрения мелких и средних хозяев, а также настроение части поддавшихся буржуазному влиянию рабочих^[8]. Свое большинство в Советах, в органах местного самоуправления, во многих солдатских комитетах, в руководстве ряда профсоюзов меньшевики и эсеры, гордо именовавшие себя «революционной демократией», использовали прежде всего для того, чтобы отказаться от власти и вручить ее буржуазии. Руководители эсеро-меньшевистского блока вступили в переговоры с ее лидерами, образовавшими 27 февраля Временный комитет Государственной думы, который видел свою задачу в том, чтобы «водворить порядок в Петрограде», иными словами, подавить революцию. Однако задача эта оказалась невыполнимой. О размахе движения и степени изоляции свергнутого правительства говорит признание видного монархиста В. В. Шульгина. «Если бы у нас был хоть один полк, на который мы могли твердо опереться, и один решительный генерал, — сетовал он, — дело могло бы обернуться иначе. Но у нас ни полка, ни генерала не было... И более того — не могло быть...»^[9]. Убедившись в тщетности своих попыток, так как войска исполняли только приказы Петроградского Совета, в руках которого находилась реальная власть, буржуазия вынуждена была примкнуть к революции с тем, чтобы пробраться к власти и повернуть события в нужном ей направлении. Это стремление буржуазных политиков встретило полную поддержку у эсеро-меньшевистских лидеров, которые 1 марта на заседании исполкома Петроградского Совета добились, чтобы Временному комитету Государственной думы было поручено формирование правительства.

Соглашение между Исполкомом и Комитетом предусматривало осуществление некоторых демократических преобразований, однако оно отнюдь не затрагивало коренных интересов буржуазии. Боясь «отпугнуть» ее, эсеры и меньшевики согласились с тем, что в программе Временного правительства ни слова не было сказано об осуществлении требований масс о 8-часовом рабочем дне, о передаче земли крестьянам. Мир был обещан после доведения войны «до победного конца», а пока провозглашалась «верность союзническим обязательствам». Все это вполне устраивало и российскую, и иностранную буржуазию. Недаром американский посол Френсис с восторгом сообщал своему правительству: «Революция удачна и находится в надежных руках»^[10].

Мало того, по требованию Милюкова, лидера ставшей правящей партии кадетов — главной буржуазной партии, под давлением эсеро-меньшевистского руководства, Петроградский Совет принял специальную декларацию о том, что правительство создано с его участием и является законной властью, которую должны признавать все граждане.

Так вожди «революционной демократии» добровольно отдали власть кадетам и октябристам^[11], которые сами, по свидетельству того же Милюкова и меньшевика Суханова, были удивлены, когда им преподнесена была Власть людьми, фактически имевшими полную возможность взять ее в свои руки в качестве представителей пролетариата и крестьянства. Поведение мелкобуржуазных лидеров вполне соответствовало характеристике К. Маркса, который писал, что часто у «демократических представителей» мелкой буржуазии «оглушительная увертюра, возвещающая борьбу, превращается в робкое ворчание, лишь только дело доходит до самой борьбы; актеры перестают принимать себя всерьез, и Действие замирает,

спадают, как надутый воздухом пузырь, который проткнули иголкой»^[12].

Сговор с Временным комитетом Государственной думы вовсе не являлся просчетом или ошибкой тех или иных эсеро-меньшевистских лидеров. Этот шаг выражал занятую ими в революции политическую линию. Свою политику уступок буржуазии эсеры и меньшевики объясняли тем, что условия для социалистической революции в России еще не созрели и «революционная демократия» не готова к взятию власти. «Власть, идущая на смену царизма, должна быть только буржуазной. Трепова^[13] и Распутина должны и могут сменить только заправилы думского „прогрессивного блока“, — писал меньшевик Суханов. — На такое решение необходимо держать курс. Иначе переворот не удастся и революция погибнет», поскольку рабочий класс представляет «реальную силу классовой борьбы, но не реальную силу государственной власти». Отрицая возможность установления диктатуры пролетариата, меньшевики особо подчеркивали, что власть должна принадлежать не одному классу, а носить коалиционный характер. «Русская история еще не смогла той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма, — заявлял Г. В. Плеханов, — ...пока она такой муки не смогла, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах всей страны, а стало быть в интересах самих трудящихся». Он видел залог успеха революции в «соглашении тех двух классов, совокупные усилия которых одинаково нужны, при нынешних конкретных условиях, для экономического обновления России».

Лидеры эсеров свое стремление к коалиции с буржуазией также пытались оправдать ссылками на то, что только в коалиции, «в сотрудничестве с несоциалистическими элементами», в объединении «всей демократии на общей основе» заключается якобы спасение России. Они заявляли о необходимости «союза всех партий путем взаимных уступок», ибо «социализм в России слишком молод и обязательно провалится с треском, если попытается сам встать у государственного руля», и предлагали «урезать социальную программу» до пределов, не препятствующих «реальной коалиции» всех классов. Подтверждая добровольность отказа от власти, руководители эсеров категорически отрицали возможность другого решения вопроса.

Заботой о сохранении коалиции с буржуазией и объединении «демократии» лидеры мелкобуржуазных партий объясняли и свой отказ от признания Советов органами государственной власти. Один из вождей эсеров, Авксентьев, говорил на III съезде своей партии, что Петроградский Совет мог взять власть, но такой шаг был бы «поспешностью революционного действия, которая рискует изолировать революционную демократию, отбросить те слои, которые идут вместе с ней и пробудить контрреволюционное чувство».

Против перехода власти к Советам на том основании, что он якобы «оттолкнет от революции значительные слои буржуазной демократии и крестьянства», высказалась и Всероссийская конференция меньшевиков. И те и другие считали, что, поскольку, по их мнению, спасти страну и революцию может только коалиция с буржуазией, постольку и Советы, являющиеся классовыми органами рабочего класса, не должны брать власть в свои руки, дабы не препятствовать наступлению классового мира и торжества надклассовой «демократии».

Таким образом, идеологи мелкобуржуазных партий стояли на позиции возможности союза антагонистических классов, их примирения. Классовую борьбу, из которой вытекает и необходимость диктатуры пролетариата, они подменяли мелкобуржуазными иллюзиями и предрассудками о «равенстве классов» и «последовательной», «чистой демократии», общей и для эксплуататоров, и для эксплуатируемых.

Практически эта позиция мелкобуржуазных партий означала неверие в силы российского пролетариата. В политике их вождей отражались, как указывал В. И. Ленин, колебания мелкой буржуазии, «боящейся довериться рабочим, боящейся порвать с капиталистами»^[14].

Противников перехода власти к Советам, поборников «чистой демократии» В. И. Ленин в первом же документе, написанном после победы Февральской революции, охарактеризовал как мелкобуржуазных политиков, идущих на поводу у буржуазии, и отметил в плане доклада об итогах Апрельской конференции: «Революционная демократия» = «реакционная демократия»^[15]. Большевики считали, что взятие власти Советами и формирование ответственного перед ними правительства было единственно правильным решением вопроса о власти, а решение, принятое меньшевиками и эсерами, лишь осложнило ход событий, создало новые трудности на пути развития революции. Вместе с тем большевики ясно отдавали себе отчет в том, что своими заверениями о намерениях удовлетворить требования масс о мире, земле, об обуздании капиталистов и предоставлении демократических свобод, мелкобуржуазные партии сумели привлечь к себе значительную часть трудящихся, которые бессознательно доверчиво относились не только к ним, но и к поддерживаемому ими Временному правительству, а потому не поддержали бы призыва к его вооруженному свержению.

Вместе с тем пролетариат мог взять власть мирным путем, без вооруженного восстания. Эта возможность вовсе не означала, что буржуазия так же добровольно уступит власть, как ее отдали ей меньшевики и эсеры, а обуславливалась отсутствием у нее сил, которые могли бы противостоять вооруженному народу. У Временного правительства, указывал В. И. Ленин, не было в данный момент «ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества...»^[16] Именно поэтому, несмотря на горячее желание подавить революцию и разогнать Советы, оно не решалось на открытое вооруженное выступление против них.

Советы были готовой формой власти рабочих и крестьян, самыми массовыми, самыми демократическими организациями трудящихся, опиравшимися на вооруженный народ, и все доводы меньшевиков и эсеров против их полномочия не имели под собой никакой почвы. Они являлись лишь предлогом для оправдания неблагоприятной позиции соглашательства с буржуазией, которую заняли мелкобуржуазные партии, прикрываясь лозунгом «демократии» и противопоставляя ее диктатуре пролетариата. Большевики считали целесообразным переход власти к Советам, несмотря на то, что большинство в них принадлежало меньшевикам и эсерам. Полномочие эсеро-меньшевистских Советов не означало установление диктатуры пролетариата и само по себе не меняло соотношения классовых сил в стране. Однако оно привело бы к изоляции буржуазии, к разрыву блока эсеров и меньшевиков с кадетами. Правительство, созданное из эсеро-меньшевистского большинства Советов, оказалось бы лицом к лицу с народом, и в этой ситуации лидеры мелкобуржуазных партий, лишившись возможности отделяться посулами, должны были бы занять более определенную позицию — либо порвать блок с буржуазией и отказаться от соглашательства, либо продолжать старую политику и окончательно разоблачить перед трудящимися свою неспособность на решительные действия в защиту их интересов. Взяв всю власть, писал В. И. Ленин, Советы могли бы «обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой»^[17]. На основе мирной борьбы партий, в условиях свободно переизбираемых Советов возможно было мирное установление диктатуры пролетариата в результате перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Рабочий класс через Советы должен был принудить буржуазию отказаться сначала от политической, а затем и от экономической власти. Осуществление этого ленинского плана обеспечило бы наиболее безболезненный переход к новому общественному строю.

Однако чем дальше шло развитие революции, тем резче выступала контрреволюционная

сущность политики мелкобуржуазных партий, ее коренное расхождение с интересами народа. Первые же шаги Временного правительства показали, что оно делает все для сохранения старых порядков, старого государственного аппарата, прибылей буржуазии, помещичьей собственности на землю, продолжения империалистической войны. Несмотря на это, лидеры меньшевиков и эсеров продолжали призывать к всемерной поддержке Временного правительства, предупреждая о мнимой опасности каких-то слишком поспешных мер, которые могли бы оттолкнуть буржуазию от революции.

Конечно, и само Временное правительство вынуждено было маскировать свои истинные цели. Оно раточало обещания, уговаривало лишь подождать созыва Учредительного собрания, которое, дескать, как истинный хозяин земли русской и решит все наболевшие вопросы, даст землю крестьянам, хлеб голодным, мир стране. Цель же была одна — оттянуть время, собрать силы и покончить с революцией, и в этом буржуазии усиленно помогала мелкобуржуазная демократия.

Особенно четко фальшивость позиции мелкобуржуазных партий, их эволюция в сторону контрреволюции проявилась во время апрельского, июньского и июльского кризисов.

20 апреля 1917 г. в Петрограде состоялась многочисленная демонстрация рабочих и солдат, возмущенных нотой министра иностранных дел Временного правительства Милюкова, в которой он заявлял, что Россия готова вести войну до победного конца и намерена соблюдать все союзнические обязательства. Создалась обстановка, при которой одного слова эсеро-меньшевистских лидеров Советов было достаточно, чтобы правительство беспрекословно сдало ему власть. «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, — характеризовал положение военный министр Гучков, — и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, т. к. войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов»^[18] Большевики предложили руководству Петроградского Совета взять власть, однако эсеро-меньшевистские лидеры отвергли разумные доводы и «поддержали падающее правительство капиталистов, запутали себя еще больше соглашательством с ним, сделали еще более роковые, ведущие к гибели революции, шаги»^[19]. 4 мая они провели в Совете резолюцию об образовании коалиционного правительства. В него вошли шесть «министров-социалистов», в том числе Керенский, занявший пост военного и морского министра.

Создавая коалиционное правительство, буржуазия делала ставку на доверие масс к мелкобуржуазным партиям, рассчитывала использовать «социалистических» министров как ширму для прикрытия своей политики.

«Суть маневра состоит в том, — писал В. И. Ленин, — чтобы поставить „отходящих“ от социализма и от революции вождей „социалистической демократии“ в положение безвредного для буржуазии *придатка* при буржуазном правительстве, заслонить это правительство от народа при помощи почти социалистических министров, прикрыть контрреволюционность буржуазии блестящей, эффектной вывеской „социалистического“ министерализма»^[20]. Характерна и реакция буржуазных политиков на появление «министров-социалистов» в составе правительства. Раз эти лица стали министрами, заявил один из лидеров буржуазии Маклаков, они уже не являются революционными вожаками. Теперь нужно лишь, чтобы они окончательно «отреклись — я не говорю от революционной фразеологии, пусть способ выражения остается за кем угодно — но от революционной идеологии».

Под прикрытием коалиции, которая порождала иллюзию, будто в стране создана власть,

способная дать народу хлеб и мир, буржуазия накапливала силы, чтобы покончить с двоевластием, и ответственность за наступление контрреволюции несут вместе с Временным правительством партии меньшевиков и эсеров.

Однако, пока сохранялось двоевластие, не завершились и колебания мелкобуржуазной демократии между буржуазией и пролетариатом. Во время второго, июньского кризиса Временного правительства вновь сложилась ситуация, при которой Советы могли безболезненно взять власть. Эсеровская газета «Земля и труд» признавалась, что «Советы — крестьянский, рабочий и солдатский — фактически и есть революционная власть, и если бы Советы признали нужным взять власть в свои руки, то власть была бы передана... Но этой власти не хочет Совет солдатских и рабочих депутатов»^[21]. Причиной, помешавшей взять власть, были колебания эсеро-меньшевистских руководителей. «Партии, правящие теперь в России, — писал В. И. Ленин, — ...наглядно показали себя в исторический день 18-го июня как партии колебаний. Их лозунги выражали колебание, и за их лозунгами оказалось — явно, очевидно для всех — меньшинство»^[22].

Меньшевики и эсеры, занимая «среднюю» позицию, обвиняли большевиков в том, что они своими крайностями «помогают контрреволюции», и в то же время признавали контрреволюционность кадетской партии, с которой находились в коалиции. Мелкобуржуазные идеологи хотели бы обойтись без классовой борьбы и боялись ее обострения, вынуждавшего их более определенно встать на ту или другую сторону. «Вместо решительной политической оппозиции. — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность...»^[23]. Эту характеристику, данную поведению мелкобуржуазных демократов основоположниками марксизма, вполне можно отнести и к политике меньшевиков и эсеров. Мелкобуржуазные партии, именовавшие себя «революционной демократией», фактически вручили судьбу народа контрреволюционной буржуазии, отошли от революции и от демократии к продолжению империалистической войны, к уступкам кадетам и в вопросе о власти, и в вопросе о земле, и в вопросе национальном.

От этой политики оставался один шаг до прямой контрреволюции, благоприятную почву для которой создавала вся деятельность меньшевиков и эсеров. В. И. Ленин накануне июльских событий писал в статье «Из какого классового источника приходят и „придут“ Кавеньяки?», что суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии, «мечтательно и фразисто-„социалистической“, охотно именующей себя „социалистической демократией“, состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному». Она хочет занять «среднюю» линию, хотя в обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно обостряющейся во время революции, такой средней линии быть не может. Практически боязнь довериться руководству революционного пролетариата неизбежно заставляла ее довериться руководству буржуазии, а «средняя» линия означала подчинение трудящихся тому классу, который поставляет Кавеньяков. И хотя сами эсеро-меньшевистские лидеры и даже Керенский и не были призваны сыграть эту роль, они являлись «вождями такой мелкобуржуазной политики, которая делает возможным и необходимым появление Кавеньяков... Было бы болото, а черти найдутся»^[24].

Именно так и развивались события. Во время июльского кризиса, вызванного провалом предпринятого Керенским наступления на фронте, требование масс «Вся власть Советам!» могло быть осуществлено, если бы не позиция вождей меньшевиков и эсеров, стремившихся сохранить коалицию с буржуазией и кадетов в составе правительства. Буржуазия, накопив силы под прикрытием мелкобуржуазных партий, перешла в наступление. По приказу Временного

правительства и с одобрения эсеро-меньшевистского ЦИК. Советов мирная демонстрация трудящихся была расстреляна вызванными с фронта реакционными воинскими частями. После этого Центральные Исполкомы Советов рабочих и солдатских и Советов крестьянских депутатов приняли резолюцию, в которой объявили Временное правительство «правительством спасения революции» и признали за ним «неограниченные полномочия».

По вине мелкобуржуазных партий, которые, по выражению Милюкова, «выступили на защиту буржуазной революции от революции социалистической», возможность перехода власти к Советам и мирного развития революции была упущена, и в результате капитуляции сторонников «чистой демократии» двоевластие кончилось в пользу буржуазии. «Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков... окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции»^[25]. Этим завершился, по выражению В. И. Ленина, «цикл партийного развития» мелкобуржуазной демократии, начавшийся 28 февраля.

Июльские события не могли остановить развитие революции. После них процесс левения масс ускорился и Временное правительство вместе с поддерживавшими его партиями все больше теряло опору среди населения. В этих условиях буржуазия, требовавшая установления «сильной власти», способной, по словам того же Милюкова, «провести хирургическую операцию» и навсегда избавить страну от большевистской опасности, выдвинула на роль Кавеньяка генерала Корнилова. Получив поддержку на так называемом Государственном совещании, которое В. И. Ленин, точно выражая его сущность, назвал «коронацией контрреволюции», Корнилов потребовал передачи ему всей гражданской и военной власти и двинул войска на революционную столицу. Однако сыграть роль Кавеньяка Корнилову не удалось.

В. И. Ленин подчеркивал, что «исключительно от стойкости и бдительности, от силы революционных рабочих России зависит то, победа или поражение ждет русских Кавеньяков...»^[26]. Это подтвердил разгром корниловщины. Под руководством большевистской партии не менее 60 тыс. красногвардейцев, солдат, матросов встали на защиту Петрограда стеной, о которую разбились волны контрреволюции. Корниловский мятеж был подавлен без единого выстрела. А вскоре восставшим народом во главе с пролетариатом и его партией была сметена власть буржуазии.

Контрреволюция под флагом Учредительного собрания

Политика мелкобуржуазных партий после победы Октября и по теоретическим обоснованиям, и по практическим действиям была продолжением политической линии на сохранение коалиции с буржуазией, которую они проводили в период между Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями.

Эсеро-меньшевистские лидеры по-прежнему считали, что, пока рабочий класс составляет меньшинство населения, диктатура пролетариата невозможна. На второй день после свержения Временного правительства Г. В. Плеханов писал, что рабочий класс «еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту власти... В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство».

Анализируя позиции мелкобуржуазных партий и большевиков, В. И. Ленин указывал, что мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами, полагают необходимым сначала при сохранении частной собственности и ига капитала добиться большинства на основе последовательной демократии. Большевики же считают, что пролетариат сначала должен завоевать государственную власть, разрушить устои и основы фактического неравенства, а затем повести «все трудящиеся массы к уничтожению классов, т. е. к тому единственно-социалистическому равенству, которое не является обманом...»^[27].

Эсеры, подводя теоретическую базу под коалицию с буржуазией, пошли на прямое отрицание борьбы классов. Член ЦК правых эсеров М. Я. Гендельман в своем докладе на VIII Совете партии утверждал, что «в революционный переходный период... регулирование государственной жизни достигается путем соглашения между органами, выражающими волю отдельных классов и групп населения». Поскольку речь шла о сотрудничестве, а не о борьбе классов, постольку и Советы, в которых не представлена буржуазия, должны быть не органами власти, а «служить политической организацией рабочего класса, временной фермой единой социалистической партии»^[28]. Это был призыв отказаться от завоеванной трудящимися власти Советов и во что бы то ни стало сохранить коалицию с буржуазией.

Левые эсеры отрицали возможность коалиции с буржуазией и ее партиями, но считали необходимым «примирить все части демократии». Конкретно это стремление нашло свое выражение в попытках добиться создания так называемого «однородно-социалистического правительства», в которое вошли бы представители всех социалистических партий — от народных социалистов^[29] до большевиков. Большевики в принципе не считали невозможным соглашение с мелкобуржуазными партиями, но лишь при условии признания ими решений II Всероссийского съезда Советов. На четвертый день после победы Октябрьского вооруженного восстания В. И. Ленин говорил, что большевики хотели коалиционного Советского правительства и никого не исключали из Совета^[30]. Эта позиция была подтверждена и в резолюции ЦК РСДРП (б), в которой было сказано, что он и сейчас готов признать коалицию в пределах Советов и, «следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти»^[31].

Однако позиция лидеров меньшевиков и правых эсеров была иной. Правые эсеры, не отрицая принципиальной готовности большевиков пойти на соглашение, заявили в своем офицозе «Воля народа», что «блок с большевиками — это волчья яма, ловушка для демократии. Это триумф большевизма». В день принятия указанного постановления ЦК большевиков эта

газета назвала позором попытки пойти на соглашение и призывала свалить большевиков, а не вести с ними переговоры. Меньшевики выступали как сторонники создания «однородно-социалистического правительства», но рассматривали его как средство «мирным путем» оттеснить большевиков от власти. Лозунг создания такого правительства поддерживался вообще всеми контрреволюционными, антисоветскими партиями. Даже кадет Маклаков писал в ноябре 1917 г. о возможности признания правительства, в составе которого будут и большевики. «Раз засилье большевизма зашло так далеко, что его не удалось раздавить сразу, приходится освобождаться от него длинным процессом постепенного оздоровления»^[32].

Таким образом, то, чего хотели эсеро-меньшевистские лидеры, не имело ничего общего с советской коалицией. Даже такой противник большевизма, как меньшевик Суханов, должен был признать правоту позиции большевиков и контрреволюционную сущность позиции меньшевиков и эсеров. Он писал, что они противопоставляли Советской власти не единый демократический фронт, а все ту же коалицию с буржуазией. Это была «программа буржуазной диктатуры на развалинах большевистской власти», фактически новая корниловщина, так как только таким путем могла быть восстановлена коалиция, т. е. Суханов вынужден был констатировать, что демократический лозунг однородно-социалистического правительства служил прикрытием контрреволюционных целей.

Противопоставляя диктатуре пролетариата теорию «чистой демократии» и «народовластия», мелкобуржуазные партии не просто пропагандировали ее, но с самого начала, под предлогом защиты прав Учредительного собрания, повели борьбу против Советской власти. При этом наиболее активную роль взяли на себя эсеры.

В первом же документе, опубликованном правыми эсерами после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде — декларации фракции правых эсеров на II Всероссийском съезде Советов, оглашенной перед тем как они покинули его заседание, было заявлено, что партия социалистов-революционеров призывает «все революционные силы страны организовать и... добиться... созыва Учредительного Собрания в назначенный срок...»^[33]. И декларация, и сам факт ухода правых эсеров со съезда фактически означали объявление войны власти Советов под флагом защиты революции и Учредительного собрания.

Ушли со съезда и меньшевики. Перед этим ЦК меньшевиков принял декларацию, в которой говорилось, что «ЦК не признает нового правительства, образованного большевиками при помощи военного заговора, и организует борьбу с ним».

Всем организациям предлагалось создавать «Комитеты общественного спасения» и бороться за восстановление власти свергнутого Временного правительства^[34]. На съезде меньшевики заявили, что уходят в Зимний дворец (через несколько часов он был взят восставшими) с целью спасти министров — своих коллег по партии либо погибнуть вместе с ними. «Мы ушли неизвестно куда и зачем, — вполне справедливо сетовал Суханов, — смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и уничтожив себя в глазах масс...».

После Февральской революции мелкобуржуазные лидеры много говорили об Учредительном собрании, объявляя его хозяином земли русской, без которого не могут быть решены основные вопросы. В то же время, находясь у власти, они не сделали ни одного практического шага, чтобы ускорить его созыв и во всем соглашались с кадетами, всячески оттягивавшими открытие Учредительного собрания, из боязни, что оно будет слишком революционным.

Теперь требование немедленного созыва Учредительного собрания и «защиты» его прав и суверенитета от «узурпации» Советами стало тем знаменем, под которым объединились все силы и буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции. Дело заключалось в том, что открыто монархические или буржуазные лозунги были слишком непопулярны в народе и выступать под

ними буржуазия не могла.

Нельзя было мобилизовать силы для борьбы против Советской власти и большевистской партии, призывая к восстановлению царской монархии или Временного правительства, снискавшего всеобщую ненависть масс. Только в Учредительное собрание верила еще некоторая часть трудящихся, особенно крестьянства, только этот лозунг не утратил еще полностью своей популярности в средних слоях. В силу этих причин лозунг «Вся власть Учредительному собранию», противопоставленный лозунгу «Вся власть Советам», теперь охотно был поддержан кадетами и даже вчерашними монархистами, не говоря уже о меньшевиках и эсерах.

Призывая «защитить» Учредительное собрание, правые эсеры учитывали и то, что в его составе они имели большинство. Списки кандидатов были составлены до свержения власти буржуазии и не отражали ни изменений в политических настроениях масс, ни факт раскола самой партии социалистов-революционеров. Поэтому результаты выборов не соответствовали реальной расстановке классовых сил. Выборы в Учредительное собрание произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения Октябрьской революции. «...Группировка классовых сил России в их классовой борьбе, — отмечал В. И. Ленин, — складывается, следовательно, на деле, в ноябре и декабре 1917 года принципиально иная, чем та, которая могла найти свое выражение в партийных списках кандидатов в Учредительное собрание половины октября 1917 года»^[35].

Имея значительное большинство в Учредительном собрании, правые эсеры надеялись с его помощью взять власть в свои руки и восстановить коалицию с буржуазией. Именно этот смысл, соответствовавший и желаниям свергнутых эксплуататорских классов, вкладывался в лозунг «защиты» прав Учредительного собрания, для осуществления которого ЦК партии эсеров развернул энергичную деятельность, мобилизовав все партийные силы.

Покинув II Всероссийский съезд Советов, правые эсеры, поддержанные меньшевиками, выступили застрельщиками, и руководителями первых контрреволюционных атак. В Петрограде эсеры 28 октября объявили о создании пресловутого «Комитета спасения Родины и революции», в Москве они возглавили контрреволюционный «Комитет общественного спасения», вокруг которых объединились все контрреволюционные силы. Из представителей партий кадетов, эсеров, меньшевиков и Бунда был создан «Центральный Совет стачечных комитетов учреждений и ведомств г. Петрограда», который стал руководящим центром саботажников. Фракция правых эсеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на своем заседании 29 октября объявила Октябрьскую революцию «авантюрой большевиков» и направила своих агитаторов на фабрики, заводы, в воинские части для проведения митингов и собраний с требованием создания однородно-социалистического правительства и немедленного созыва Учредительного собрания для передачи ему всей власти.

Лозунг «Вся власть Учредительному собранию» фактически сразу же после победы Октября трактовался правыми эсерами как лозунг развязывания гражданской войны против Советской власти. Об этом свидетельствует ряд фактов. На заседании Петроградского комитета эсеров 24 ноября 1917 г. было заявлено, что все его члены поддерживают лозунг «Вся власть Учредительному собранию» и только с его осуществлением считают возможным начало «творческой государственной работы». «Мы должны мобилизовать все силы для защиты Учредительного собрания, — говорилось на заседании, — не останавливаясь перед гражданской войной». За «активную защиту» Учредительного собрания высказалось и заседание Петроградского Военного Совета партии социалистов-революционеров.

Общую политическую линию и тактику эсеров определил состоявшийся 26 ноября — 5 декабря 1917 г. IV съезд партии. Выступивший на нем с докладом о текущем моменте главный идеолог и теоретик социалистов-революционеров Чернов заявил, в частности, что трехкратное

повторение опыта коалиции обострило политический кризис партии и обнаружило многие прорехи в идеологии и мировоззрении эсеров. Он вынужден был также признать, что, «если бы после корниловского восстания не было создано коалиционное правительство, а было бы создано истинно однородное социалистическое правительство, в этот момент можно было бы спасти страну от гражданской войны». Однако Чернов умолчал о том, что большевики считали в этот момент мирное развитие революции возможным и предложили меньшевикам и эсерам компромисс, который был ими отвергнут. Этот маневр был ему нужен для того, чтобы вопреки истине именно большевиков обвинить в развязывании гражданской войны. Как тут не вспомнить ироническую характеристику мелкобуржуазных демократов из замечательной работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «...демократ выходит из самого позорного поражения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должны оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него»^[36].

Съезд социалистов-революционеров вынужден был констатировать расхождение между верхами и низами партии, глубокие разногласия, сохранившиеся, несмотря на уход левых эсеров, образовавших самостоятельную партию, тяжелое организационное состояние, свидетельствовавшее, что кризис партии продолжает развиваться. «Съезд отмечает, — было сказано в резолюции, — идейный и организационный разброд, полный паралич партийной дисциплины, поразивший целые организации». Однако, несмотря на столь плачевные итоги, на осуждение коалиции рядом делегатов съезда, отрезвления не наступило. Съезд высказался за продолжение коалиционной политики в духе «чистой демократии» под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!», обязал партийные организации принять меры, чтобы в случае необходимости вступить в бой с «преступным посягательством на верховную власть народа». Таким образом, решения IV съезда эсеров вдохновляли и поощряли внутреннюю и внешнюю контрреволюцию, давая ей «демократическое» прикрытие, и способствовали сплочению вокруг правоэсеровских организаций всех антисоветских элементов.

Одновременно с эсеровским проходил и съезд партии меньшевиков. «Вчера еще большая и влиятельная партия, — писала меньшевистская газета об обстановке на съезде, — руководительница (вместе с эсерами) Советов, популярная в широких слоях демократии — теперь она проводит смотр жалким остаткам своей разбитой наголову армии». На съезде не было единства. Правые требовали немедленного свержения большевиков любыми средствами, вплоть до вооруженного восстания и заключения в этих целях союза с кадетами. Однако левые и центр на открытое выступление против Советской власти пока еще не соглашались. В резолюции, принятой съездом, лишь констатировалась невозможность социалистической революции в России и предлагалось призвать народ на борьбу «за созыв и обеспечение полноты власти за Учредительным собранием и отстаивать в Учредительном собрании соглашение всех социалистических и демократических партий (от большевиков до народных социалистов) для образования революционной власти».

Учитывая авторитет Советов в массах, съезды обеих партий исключили из резолюций открытые выпады против них. Более того, съезд эсеров записал специальный пункт, который гласил, что «партия с.-р. должна обратить особое внимание на выпрямление политической линии поведения Советов р. с. и кр. деп., всеми средствами укреплять их как могучие классовые организации трудящихся, защищая их от покушений контрреволюции». Но чем дальше развивались события, тем явственнее становилась антисоветская сущность призыва «Вся власть Учредительному собранию».

Как только ВЦИК принял решение открыть Учредительное собрание 5 января 1918 г., ЦК эсеров заявил, что, поскольку Учредительное собрание «упрочит свою власть только в порядке

борьбы с народными комиссарами», его открытие не должно состояться 5 января, чтобы косвенно авторитетом Учредительного собрания не санкционировать их распоряжение. Иными словами, правые хотели взять инициативу его открытия в свои руки, чтобы осуществить намеченный план свержения Советской власти. 1 января 1918 г. ЦК эсеров предполагал провести демонстрацию под лозунгами «Вся власть Учредительному собранию» и «Немедленное открытие Учредительного собрания», в которой должны были принять участие контрреволюционные силы, вызванные из Киева, Одессы и Белоруссии. Фракция правых эсеров должна была войти в контакт с представителями других фракций (кроме большевиков и левых эсеров), вызвать всех избранных членов в Петроград и открыть Учредительное собрание. О том, что должно было за этим последовать, говорит найденная 2 января при обыске в редакции эсеровской газеты «Воля парода» рукопись «Демократия и социализм» с призывом к вооруженному восстанию против Советской власти.

Когда эта затея потерпела крах, было решено организовать антисоветскую демонстрацию 5 января. «Это будет демонстрация врагов народа, демонстрация друзей Каледина, Корнилова, — говорилось в опубликованной по этому поводу в „Правде“ резолюции Петроградского Совета. — Под лозунгом „Вся власть Учредительному собранию“ кроется лозунг „долой Советы“. Вот почему все капиталисты, вся черная сотня, все банкиры, горой стоят за этот лозунг... Ни один честный рабочий, ни один сознательный солдат не примут участия в этой демонстрации врагов народа»^[37].

Трудящиеся не приняли участие в эсеровской затее, и демонстрация провалилась. Выступая на открывшемся 5 января Учредительном собрании от имени фракции большевиков, И. И. Скворцов-Степанов показал сущность заявлений лидеров мелкобуржуазных партий, будто Учредительное собрание выражает общенародную волю. «Марксист не знает общенародной воли, — говорил он, — а знает волю классов господствующих и поработанных, он знает волю эксплуататорских классов и эксплуатируемых... То, что проводят господствующие классы, они называют это волей всего народа... Для марксистов это воля господствующих классов».

После того как контрреволюционное большинство Учредительного собрания отказалось обсудить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», большевики огласили написанную В. И. Лениным, декларацию, в которой говорилось: «...Всероссийский ЦИК, выполняя волю... громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России...»

Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания»^[38].

Принятое затем 6 января 1918 г. решение ВЦИК о роспуске Учредительного собрания было с одобрением встречено трудящимися. По всей стране прокатилась волна митингов, собраний, демонстраций рабочих, солдат, крестьян, одобрявших ликвидацию контрреволюционной «Учредилки». По данным анкетного опроса крестьянских делегатов III Всероссийского съезда Советов, на вопрос: «Каково отношение к Учредительному собранию?» — из 493 делегатов 320 дали отрицательный ответ, 106 — положительный и 17 заявили о безразличном отношении к вопросу. Следовательно, более трех четвертей делегатов одобрили роспуск Учредительного собрания. На вопрос: «Каково отношение к Советской власти?» — 385 делегатов из 405, т. е. 95 % ответили, что признают власть Советов.

Надеясь на большинство в Учредительном собрании, мелкобуржуазные партии до его

созыва временно воздерживались от открытого объявления войны Советской власти. Однако они не хотели смириться с крушением своих надежд и роспуском Учредительного собрания и, несмотря на ясно выраженную волю трудящихся, решили добиваться восстановления его полномочия путем вооруженной борьбы. Подтолкнула их к этому решению также и ратификация Брестского мирного договора с Германией, вызвавшая недовольство части оскорбленных в своих «патриотических» чувствах мелкобуржуазных слоев. Сразу после подписания мира ЦК правых эсеров опубликовал обращение, в котором заявил, что «правительство народных комиссаров предало демократическую Россию, революцию, интернационал и оно должно быть и будет низвергнуто... Партия социалистов-революционеров приложит все усилия к тому, чтобы положить предел властвованию большевиков».

Официальные решения о начале вооруженной борьбы против власти Советов, о политике и тактике партии после роспуска Учредительного собрания и заключения Брестского мира приняли состоявшиеся в мае 1918 г. VIII Совет партии эсеров и Всероссийское совещание меньшевиков. Меньшевики объявили главной задачей своей партии «замену Советской власти властью, сплывающей все силы демократии», а эсеры выразили свои намерения более откровенно. «Основной задачей партии, — гласила принятая резолюция, — является борьба за восстановление независимости России (т. е. срыв Брестского мира. — К. Г.) и возрождение ее национально-государственного единства... Главным препятствием для осуществления этих задач является большевистская власть. Поэтому ликвидация ее составляет очередную и неотложную задачу всей демократии». При этом речь шла не о борьбе с большевиками за гегемонию в органах власти, а о ликвидации Советов, которые якобы «вообще утратили свой социалистический характер». «Государственная власть, которая сменит власть большевистскую, должна быть основана на началах народоправства. Очередной задачей будет при таких условиях возобновление работ Учредительного собрания и восстановление разрушенных органов местного самоуправления».

С самого начала гражданской войны меньшевики и правые эсеры под флагом «народовластия» активно выступили на стороне внутренней контрреволюции и поддерживавших ее иностранных интервентов. Более того, гражданская война начиналась как борьба с «демократической контрреволюцией», так как характерной чертой ее на этом этапе было выдвижение на первый план мелкобуржуазных партий, которые встали в ее авангарде, приняли на себя обязанности основных организаторов всех антисоветских сил. Меньшевики и эсеры выступают «как наиболее подвижные, иногда даже как наиболее наглые, деятели контрреволюции, ведя против Советской власти борьбу гораздо более резко, чем они позволяли себе вести ее против реакционных и помещичьих правительств, и полагаясь на защиту ярлыком или названием своей партии»^[39] — писал В. И. Ленин в марте 1918 г.

Анализируя это обстоятельство, он подчеркивал «вовсе не случайность» того, что «Колчаки и Деникины, русские и все иностранные капиталисты идут под прикрытием меньшевиков и эсеров, под их знаменем, под их флагом, повторяя их лозунги и фразы о „свободе“ вообще, о „демократии“ вообще, о „частной“ (торговой, капиталистической) предприимчивости и т. д. и т. п.»^[40]. Вступив в гражданскую войну с рожденной Великим Октябрем Советской властью, буржуазия и помещики, черносотенцы и кадеты не могли сразу идти в бой под своими откровенными намерениями и лозунгами, и на первых порах вынуждены были вести завуалированную политику, маскируясь фразами о «защите» демократических свобод, будто бы попраных анархо-большевистскими силами. Буржуазия великолепно понимала, что «идейная» позиция мелкобуржуазных партий, которые выступали в роли последних «идейных», «бескорыстных» защитников капитализма, служит ее интересам, является наиболее удобной

ширмой, прикрывающей ее вождения и цели. Поэтому она прибегла к помощи мелкобуржуазных контрреволюционеров — эсеров и меньшевиков, которые охотно предложили ей свои услуги и вышли на первый план, прикрывая контрреволюцию буржуазную.

Центром «демократической контрреволюции» стали Сибирь и Поволжье. Еще в декабре 1917 г. в Томске собрался «Всесибирский чрезвычайный съезд» представителей земств, дум, кооперации, казачьих войск, который создал «общесибирскую социалистическую власть» — Сибирскую областную думу. В январе 1918 г. Томский Совет распустил ее за контрреволюционную деятельность. Однако члены Думы, уйдя в подполье, сформировали так называемое Временное сибирское правительство во главе с правым эсером Дербером. Оно находилось в Харбине и было связано с американскими и японскими интервентами, а в Томске в феврале 1918 г. было образовано его представительство — Западно-Сибирский Комиссариат из трех правых эсеров — членов Учредительного собрания и председателя Томской уездной земской управы. Он создал военный штаб и, опираясь на офицеров и казаков, 1 июня 1918 г. захватил власть, провозгласив «восстановление нарушенного большевиками правильного товарообмена», создание военной силы для «утверждения народовластия», введение органов управления, существовавших при Временном правительстве, «всемерное содействие скорейшему возобновлению работы Всероссийского Учредительного собрания».

В Поволжье мелкобуржуазные партии, в первую очередь игравшие наиболее активную роль правые эсеры, приняли самое непосредственное участие в организации мятежа чехословацкого корпуса, с которого в истории революции, указывал В. И. Ленин, начался «3-й этап. Гражданская война от чехословаков и „учредиловцев“ до Врангеля...»^[41]. В Самаре в конце 1917 г. возникла тайная офицерская организация, с которой в марте 1918 г. объединилась эсеровская боевая дружина.

Был установлен контакт с представителем Антанты и командованием чехословацкого корпуса, с офицерами и солдатами которого эсеры нашли общий язык на почве мелкобуржуазной идеологии. «Мы убежденные демократы, — заявляли белочехи, — мы стоим за народовластие и лишь потому решились вмешаться во внутренние дела России и помочь низвергнуть большевиков, что этим самым можем помочь разогнанному большевиками Учредительному собранию». В подобных заявлениях участников мятежа есть немалая доля лицемерия. Однако бесспорно и то, что солдатская масса в значительной степени была обманута мнимодемократическими лозунгами эсеров о «равенстве» классов и «последовательной», «чистой демократии», и это облегчало вовлечение их в антисоветскую авантюру. «Чтобы воздействовать на простых солдат, чехословацкое командование работало в контакте с партией русских социалистов-революционеров, — отмечал один из основателей коммунистической партии Чехословакии Б. Шмераль. — Сознание, что они действуют вместе с партией социалистов-революционеров, борясь против Советской власти, усыпляло совесть многих рабочих чехословацкой армии, которых иначе пролетарское сознание толкнуло бы на путь критического размышления». После вступления в Самару частей мятежного чехословацкого корпуса в июле 1918 г. там был создан «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч или Самарская Учредилка) — правительство, почти полностью состоявшее из правых эсеров.

Рассматривая причины усиления мелкобуржуазной контрреволюции весной и летом 1918 г., В. И. Ленин указывал, что этому способствовали колебания мелкобуржуазной массы. Углубление социалистической революции в деревне вызвало активное противодействие кулачества, мятежи которого влились в общий антисоветский фронт. В то же время заколебалось и среднее крестьянство. Когда большевики экспроприировали помещиков, дали крестьянам землю и провозгласили окончание войны, тогда мелкобуржуазные слои были за большевиков и поддерживали Советскую власть. Но когда был заключен Брестский мир, «оскорбивший»

«патриотические чувства» мелкой буржуазии, и большевики взяли курс на изъятие хлебных излишков, на создание комбедов и обуздание кулачества, тогда часть мелкобуржуазного населения качнулась в сторону контрреволюции. «Диктатура пролетариата, — писал В. И. Ленин, — не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам»^[42]. К таким районам относились в первую очередь Сибирь и Поволжье. Здесь колебания мелкобуржуазного населения обнаружили со всей рельефностью и создались благоприятные условия для распространения мелкобуржуазных лозунгов «демократии» под эгидой Учредительного собрания, поскольку часть крестьянства не понимала, что любая власть, сменившая Советы, восстановит диктатуру буржуазии и помещичье землевладение. Получив землю, эта часть крестьянства считала революцию законченной. Нужен был практический опыт, на котором крестьянство могло бы убедиться, что «демократия вообще» нереальна и возможны лишь два решения вопроса о власти: либо власть Советов, власть рабочих и трудящихся крестьян, либо власть буржуазии и помещиков и никакого третьего, среднего решения быть не может. «...Лишь в долгой и жестокой борьбе, — указывал В. И. Ленин, — тяжелый опыт колеблющейся мелкой буржуазии приводит ее, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней»^[43].

Весной 1918 г. правые эсеры, поддержанные меньшевиками, развернули энергичную деятельность по свержению Советской власти и замене ее властью Учредительного собрания. Они, с одной стороны, пытались помешать работе Советов, сорвать мероприятия по борьбе с продовольственным кризисом, а с другой — принимали активное участие в вооруженной борьбе. Деятельность мелкобуржуазных партий на советской территории была ознаменована антисоветскими заговорами, контрреволюционными мятежами и террористическими актами против руководителей Коммунистической партии и Советского государства. А там, где удавалось свергнуть Советскую власть, они формировали эсеро-меньшевицско-белогвардейские «правительства»^[44].

Гражданская война, писал В. И. Ленин, «начиналась сплошь и рядом при участии в союзе против нас и белогвардейцев, и эсеров, и меньшевиков», однако логика ее развития «всякий раз неизбежно приводила к тому, что все эсеровские учредилковские, меньшевицские элементы оказывались, путем ли государственного переворота или без него, оттесненными на задний план, и во главе белогвардейщины выступали целиком элементы капиталистические и помещичьи. Это было и в правлении Колчака и Деникина, и во всех многочисленных более мелких правлениях и нашествиях на нас»^[45]. Олицетворявшие «демократическую контрреволюцию» эсеро-меньшевицские правительства, создавая во имя защиты «народовластия» на иностранные субсидии отряды во главе с монархически настроенными офицерами, восстанавливая буржуазно-помещичьи порядки, расчищали дорогу для белогвардейской диктатуры, уступали место прямым ставленникам империалистической буржуазии и наиболее реакционных буржуазно-помещичьих кругов. Примером тому может служить история Комуча.

К. Маркс писал, характеризуя мелкобуржуазных демократов, что «демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. *переходный класс*, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, — воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всеми остальными слоями нации они составляют *народ*»^[46]. Руководители Комуча, придя к власти, заявили, что их целью является «создание блока и уничтожение тех трений, которые создались в результате классовой розни», поскольку «теперь нельзя опираться на классы, нельзя идти по пути

большевиков»^[47]. Вначале самарское правительство в соответствии со своей декларацией вело игру в демократию. В приказе № 1 оно объявило о свободе слова, печати, собраний; были разрешены забастовки и сохранены, правда без всяких прав, переизбранные Советы. Вместе с тем для борьбы с Советской властью из кадровых офицеров вербовалась «Народная армия»; было объявлено о денационализации банков и промышленных предприятий, отменены твёрдые цены и разрешена свободная торговля.

Эсеровское правительство не решилось прямо возвестить о возвращении земли бывшим владельцам, однако оно отменило советские земельные законы, восстановило Крестьянский земельный банк, Земельные комитеты, в распоряжение которых поступала земля, предоставило бывшим землевладельцам право уборки урожая с озимых, посевов и т. д. На местах офицеры «Народной армии» в своем стремлении добиться восстановления старых порядков шли еще дальше, и по признанию даже официальных органов, «захваты земель помещиками приняли грозные размеры».

Антинародная политика «уничтожения трений», т. е. потворства буржуазии, восстанавливала трудящихся против Комуча, рассеивала иллюзии мелкобуржуазной массы, которая вновь повернула в сторону Советской власти. Однако Комуч не нужен был и буржуазии, которая поддерживала его лишь до поры до времени. Ее не устраивала половинчатая политика, она была недовольна игрой в демократию, заигрыванием с рабочими, речами о борьбе с реакцией и т. п. Буржуазия считала Самарскую учредилку переходным явлением, неизбежным злом, с которым пока приходится мириться, и ждала лишь подходящего момента для установления «сильной власти». Правительство Комуча изживало себя.

О кризисе «демократической контрреволюции» и надвигавшемся крахе политики мелкобуржуазной демократии свидетельствовало и положение в Сибири. Сибирское правительство придерживалось более открытой контрреволюционной политической линии. Оно аннулировало все декреты Советской власти, провозгласило возврат владельцам всего национализированного имущества: предприятий, домов, земли. У сибирского правительства «демократической» была лишь вывеска с эмблемой Учредительного собрания, а реальная власть находилась в руках белогвардейских отрядов, на штыках которых оно держалось и которые с первых же дней предпринимали попытки убрать эсеров из правительственных органов.

Меньшевики и эсеры делали буржуазии уступку за уступкой, вызывая растущее недовольство трудящихся, а окрепшая буржуазия и монархическое офицерство стремились использовать это обстоятельство, чтобы избавиться от них. В сентябре 1918 г. в Уфе было созвано так называемое государственное совещание. Главную роль на нем играли кадеты и эсеры, причем эсеры, по собственному признанию в записке членам Учредительного собрания, напуганные наступлением Красной Армии и предстоящей сдачей Самары, готовы были идти на все. В результате их капитуляции перед кадетами было образовано Всероссийское временное правительство — Уфимская директория, состав которой не мог гарантировать ни созыва Учредительного собрания в январе 1919 г., ни вообще выполнения заключенного соглашения.

Во время совещания белогвардейцами и казаками в Омске были арестованы эсеры — члены сибирского временного правительства: одного из них расстреляли, а остальным предложено было покинуть Омск в 24 часа, Таким образом, но словам той же записки, была устранена «социалистическая часть правительства» и «фактически власть в городе оказалась в руках добровольческих отрядов Анненкова и Красильникова, отрядов разбойно-монархического типа».

Получив сообщение о событиях в Омске, Директория обещала «раскассировать сибирскую власть», но сделать уже ничего не смогла. В октябре она перебралась в Омск и там создала Совет Министров, в котором пост военного министра занял Колчак. В ночь с 17 на 18 ноября отряд того же Красильникова арестовал членов Директории — эсеров, а Совет Министров

провозгласил Колчака Верховным правителем России. Был разогнан сменивший Комуч «Съезд членов Учредительного собрания», некоторые его члены, так же как и ряд членов руководящих органов эсеров и меньшевиков, были арестованы, а затем высланы или расстреляны; часть из них ушла в подполье или бежала на советскую территорию. С мелкобуржуазной демократией на востоке страны было покончено. Своей политикой мелкобуржуазные партии подготовили приход к власти Кавеньяка — Колчака, и «демократическая контрреволюция» уступила место прямой интервенции и военно-террористической диктатуре. «Чтобы доказать, что большевики несостоятельны, — говорил В. И. Ленин, — эсеры и меньшевики начали строить новую власть и торжественно провалились с ней прямо к власти Колчака»^[48].

И так было не только на востоке. Аналогичным образом развивались события и в других районах страны: на севере в Архангельске, на юге в Баку и т. д.

Анализируя развитие событий и возвращаясь к урокам истории «керенщины» как временного торжества буржуазной реакции, которая наступила в итоге соглашательской политики лидеров мелкобуржуазных партий, В. И. Ленин отмечал, что колчаковской диктатуре «помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики („социал-демократы“) и эсеры („социалисты-революционеры“)... Называя себя социалистами, меньшевики и эсеры на деле — пособники белых, пособники помещиков и капиталистов. Это доказали на деле не отдельные только факт, а две великие эпохи в истории русской революции; 1) керенщина и 2) колчаковщина»^[49]. Союз с кем угодно и на любых условиях, лишь бы свергнуть Советскую власть — таков был смысл политики эсеро-меньшевистских лидеров, которая привела к тому, что на смену «демократической контрреволюции» к концу 1918 — началу 1919 г. повсеместно пришла самая откровенная черносотенная реакция. Военно-террористической диктатуре Колчака и Деникина, для которых даже Учредительное собрание было крамолой, сделавшие свое черное дело меньшевики и эсеры были уже не нужны. Единственно, о чем, вероятно, сожалели белогвардейские генералы, — это о том, что в силу тактических соображений нельзя было просто их всех перевешать, а пришлось ограничиться пинком генеральского сапога, отбросившего их на задворки контрреволюции.

Новая тактика «третьей силы»

В. И. Ленин писал, что при решении мелкобуржуазной массой сложнейшего политического вопроса, с кем идти, «неизбежны колебания непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный *практический опыт*, позволяющий *сравнить* руководство буржуазии и руководство пролетариата»^[50]. Уроки колчаковщины и деникинщины не прошли даром. После того как масса среднего крестьянства, «сравнив руководство», убедилась, что победа контрреволюции ведет за собой восстановление в деревне старых порядков, в ее настроениях обозначился поворот в сторону Советской власти. На этот поворот оказали влияние ряд обстоятельств. В итоге углубления социалистической революции в деревне изменился состав крестьянства — позиции кулачества были подорваны, центральной фигурой деревни стал середняк. После победы ноябрьской революции в Германии был аннулирован грабительский Брестский мир, а с его ликвидацией миновали те объективные условия, которые резко оттолкнули от большевиков мелкобуржуазных демократов-«патриотов». Наконец, одним из важнейших условий было крепнущее убеждение непролетарских слоев трудящихся в том, что Советская власть отстаивает их жизненные интересы и все разговоры о демократии и Учредительном собрании служат лишь прикрытием диктатуры помещиков и капиталистов. Широкие непролетарские массы все больше убеждались в том, что «демократия», пропагандируемая меньшевиками и эсерами, как писал В. И. Ленин, «выражает на деле иногда *диктатуру буржуазии*, иногда бессильный реформизм мещанства, подчиняющегося этой диктатуре...»^[51].

Поворот мелкобуржуазных масс в сторону Советской власти, восстания в тылу Колчака и Деникина, рост недовольства политикой руководства в самих мелкобуржуазных партиях, где появились группировки, которые, несмотря на враждебность к большевикам, настаивали на союзе с ними как с единственной силой, способной противостоять реакции, — все это вынуждало эсеро-меньшевистских лидеров пересмотреть официальные позиции и тактику своих партий. В конце 1918 — начале 1919 г. под давлением обстановки и ЦК меньшевиков, и Совет партии эсеров приняли решения о прекращении вооруженной борьбы против Советской власти.

Меньшевики заявили, что их партия отвергает «планы насильственного свержения Советской власти... всякие блоки с партиями имущих классов, а также с теми партиями и группами, которые не порвали всякую связь с силами контрреволюции и империализма». Не отказываясь от парламентской республики, их ЦК решил снять лозунг защиты Учредительного собрания, поскольку «он мог быть использован как знамя и прикрытия контрреволюции»^[52]. В резолюции IX Совета партии эсеров говорилось, что он «одобряет и утверждает решение прекратить вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой». В то же время в ней подчеркивалось, что «обуславливаемый в настоящее время всей политической ситуацией отказ партии от вооруженной борьбы с большевистской диктатурой не должен истолковываться как принятие, хотя и временное и условное, большевистской власти, а лишь как тактическое решение, продиктованное положением вещей». Более того, учитывая желание части эсеров вместе с большевиками бороться против белой армии, Совет особо отмечал невозможность «слить свою борьбу против попыток контрреволюции с борьбой большевистской власти» и требовал «не допускать... вредных иллюзий, будто большевистская диктатура может постепенно перерасти в народовластие».

«Выигрыш демократии во время ее повторных попыток коалиции с буржуазией заключался в слишком дорогой цене купленном праве сказать, что с ее стороны имели место все допустимые и даже недопустимые усилия и жертвы во имя возможности политической

кооперации с буржуазией», — писал ЦК эсеров. Однако это признание бесплодности и беспочвенности коалиции вовсе не означало, как и у меньшевиков, полного отказа от союза с буржуазией. Практически этот союз продолжал осуществляться, но в иных формах и без оформления в официальных решениях партийных органов.

Меньшевики выдвинули платформу сотрудничества с Советской властью, фактически означавшую реставрацию капитализма. В ней предлагалось «в корне изменить экономическую политику», вернуть предприятия в частные руки, ликвидировать ВЧК, ввести всеобщие выборы и т. д. — короче, под предлогом совместной борьбы с Колчаком и Деникиным отказаться от диктатуры пролетариата.

В постановлении IX Совета партии эсеров декларировались «новая тактика» и политика «третьей силы», которая разделялась и поддерживалась и меньшевиками. В ней указывалось, что партия делает ставку на «третью силу, равно чуждую и большевизму и реставрации», поскольку только она может вывести страну из тупика гражданской войны и опираясь на которую можно якобы вести борьбу на два фронта: и против диктатуры пролетариата, и против буржуазно-помещичьей реакции. Такой «третьей силой» мелкобуржуазные теоретики по-прежнему считали «чистую демократию», «народовластие», будто бы способное «примирить и удовлетворить классовые и общенациональные интересы», а ее политической армией — крестьянство. Практическое олицетворение «народовластия» они, как и раньше, видели в Учредительном собрании.

В. И. Ленин убедительно показал, что заверения меньшевиков и эсеров о свободе, равенстве, всеобщем избирательном праве и Учредительном собрании объективно обманывают рабочих и крестьян, так как все рассуждения о «третьей силе», стоящей над буржуазией и пролетариатом, являются лишь «иллюзией мелкобуржуазного демократа, который... не научился азбуке, именно, что в капиталистической среде возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата и невозможно существовать ничему третьему» ^[53]. Он доказал, что политика «третьей силы» не имела под собой реальной почвы и была обречена на провал, и те, кто пытался решать задачи перехода от капитализма к социализму, исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п., лишь «обнаруживают этим свою природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за буржуазией» ^[54].

Попытки мелкобуржуазных партий посредством коалиции с буржуазией установить какую-то «среднюю» власть, стоящую между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии, и в Сибири, и в Поволжье, и на Севере, — повсюду сопровождалась разгулом реакции, восстановлением дореволюционных порядков, репрессиями против рабочих и крестьян. Сам ЦК эсеров вынужден был признать, что «первоначальная задача борьбы на два фронта была заменена системой последовательной капитуляции», которая облегчила реакции «почти безболезненное овладение властью». Он даже признал, что «капитуляция демократии, начавшаяся в Уфе и закончившаяся в Омске пленением Директории с первого момента появления ее на территории Сибирского правительства, является неизбежной расплатой за политику, усвоенную некоторыми кругами партии». От этой политики все больше отходили и колебавшиеся мелкобуржуазные слои, она вызывала недовольство и среди членов мелкобуржуазных партий. Некоторые организации прямо заявляли, что политика «третьей силы» не реальная, «не претворяющаяся и не имеющая возможности претвориться в дело», и называли ее мифической.

Недовольство проявляли как наиболее реакционная часть мелкобуржуазных партий, требовавшая ничем не ограниченной борьбы с Советской властью, так и их левое крыло, стоявшее за союз с большевиками в борьбе против реакции.

Однако лидеры мелкобуржуазной демократии вновь и вновь пытались доказать возможность создания «третьей силы» и необходимость борьбы на два фронта, с той разницей, что «новая тактика» предусматривала временный отказ от вооруженной борьбы с Советской властью и формально отрицала коалицию с буржуазией.

Несмотря на принятые решения, на советской территории то там, то здесь вспыхивали контрреволюционные мятежи, подготовленные при непосредственном участии меньшевиков и эсеров, велась антисоветская агитация, организовывался саботаж мероприятий Советской власти. Подобное отношение к решению о прекращении борьбы с Советами являлось не только следствием местной инициативы, но и той двусмысленной интерпретации, которую давало ему руководство эсеров и меньшевиков. В документах чаще и резче, чем отказ от вооруженной борьбы, подчеркивалась недопустимость сотрудничества с большевиками. На словах — призыв отказаться от вооруженной борьбы, осуждение антисоветского «вспышкопускательства», а на деле — взгляд сквозь пальцы на нарушение директив центра и поддержка антисоветских выступлений.

ЦК эсеров, пытаясь сделать хорошую мину при плохой игре, хвастливо заявил, что «ставка на крестьянство, как основной элемент для создания третьей силы, безусловно может считаться выигранной»^[55]. В действительности эта ставка была, безусловно, проиграна, и крестьянин на собственном опыте «научился тому, чего из науки не хотят понять многие эсеры и меньшевики, что может быть только две диктатуры, что нужно выбирать либо диктатуру рабочих, — и это значит помочь всем трудящимся сбросить иго эксплуататоров, — либо диктатуру эксплуататоров»^[56]. Мелкобуржуазные идеологи обращались к крестьянину как мелкому собственнику, обещая ему молочные реки и кисельные берега в царстве «всеобщей демократии» и «народовластия».

Большевики обращались к крестьянину как труженику и, не рисуя ему «сладеньких картин», твердо сказали, что только диктатура пролетариата обеспечит свержение ига эксплуататоров. «Диктатура пролетариата, — разъяснял В. И. Ленин, — есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма»^[57]. В этом определении подчеркивается глубоко демократический характер диктатуры пролетариата как подлинного народовластия — власти самих трудящихся масс. И крестьяне на практике убедились, что большевики правы. Испытав на деле ту и другую диктатуру, они выбрали диктатуру рабочего класса^[58].

В связи с этим представляет интерес развитие событий в Сибири после свержения власти Колчака. Призывая сибирских эсеров выступить против него «самостоятельно и при этом не солидаризируясь с большевиками», ЦК партии эсеров подчеркивал, что свержение Колчака «ценно для демократии прежде всего тем, что оно открывает ей возможность создания фронта Учредительного собрания, противопоставленного Красной Армии». Осенью 1919 г. в связи с наступлением Красной Армии эсеры активизировали свою деятельность. В октябре в Иркутске ими был созван нелегальный «Земско-социалистический съезд», а в ноябре на тайном «Всесибирском совещании земств и городов» создан «Политцентр» для подготовки восстания против Колчака.

В сибирской деревне была сильна кулацкая прослойка, в городах — мелкобуржуазная, а основной социальной базой повстанческого движения было крестьянство, поэтому кое-где эсерам удалось приобрести известное влияние в партизанских отрядах. Немаловажное значение

имела поддержка союзников, которые приняли сторону «Политцентра», когда увидели, что их ставка на Колчака бита. Во время восстания, поднятого эсерами в Иркутске 24 декабря 1919 г., представитель союзников заявил, что «эсеры — деятели государственного направления, ничего общего с большевиками не имеют и поэтому противодействовать им союзники не намерены». 5 января 1920 г. власть в Иркутске перешла к «Политцентру», которому союзники выдали арестованного Колчака.

Программа, с которой накануне восстания выступили Всесибирский краевой комитет эсеров и поддерживающие его организации, предусматривала: свержение власти Колчака и прочих атаманов; создание однородно-социалистической власти, опирающейся на земства и объединения демократии; немедленное перемирие на фронте и переговоры с московским правительством в целях прекращения гражданской войны; автономию Сибири и созыв Сибирского Учредительного собрания; вывод иностранных войск из пределов Сибири; осуществление всех гражданских свобод и политическую амнистию. Это была старая программа «народовластия» во главе с Учредительным собранием. Ее отличие от Самарской заключалось в том, что если та ставила задачу создания вооруженных сил для борьбы с большевиками, то в этой предусматривались переговоры с Советским правительством. Однако и на этот раз мелкобуржуазной демократии в лице «Политцентра» и Краевого комитета эсеров не удалось осуществить свою программу.

Уже с самого начала антиколчаковского движения стала ясно видна огромная популярность Советской власти. Тяга к ней была настолько велика, что в некоторых случаях даже эсеры вынуждены были выступать за восстановление Советов, добавляя при этом — без большевиков. Лозунг Учредительного собрания стал уже настолько непопулярен, что склонить к его поддержке не только рабочих, но и крестьян было очень трудно. Поэтому хотя и имелись антиколчаковские группы и отряды, которые выступали за Учредительное собрание, но их и с самого начала было мало, а затем становилось все меньше. В некоторых случаях встречались и попытки объединить на одной платформе Советскую власть и «народовластие».

Предлагалось, например, «установить самый демократический образ правления — Советскую власть» и в то же время «диктатуру пролетариата не вносить в свою программу, считая эти вопросы не вполне созревшими для Сибири»^[59].

«Политцентр» предложил большевикам принять участие в восстании в Иркутске под лозунгами «народовластия». Большевики, естественно, не могли принять эсеровскую программу, но вместе с тем они решили возглавить рабочих, участвующих в восстании, и при благоприятных условиях восстановить Советскую власть. Такая возможность возникла сразу же после перехода власти к «Политцентру». К Иркутску подходила Красная Армия, союзники эвакуировались на восток, влияние «Политцентра» катастрофически падало. Большевики приобретали силу, а эсеры теряли ее. Народ не верил эсерам и их лозунгам, он настойчиво требовал восстановления Советской власти. «Политцентру» не оставалось ничего другого, как сложить с себя власть, и 22 января она перешла к созданному за два дня до этого Военно-Революционному комитету. Всесибирский краевой комитет эсеров писал, что перед необходимостью передать власть ревкому «Политцентр» якобы был поставлен иркутскими коммунистами. Однако истинная причина заключалась не в давлении иркутских коммунистов, а в том, что трудящиеся не поддержали эсеров и у лишенного опоры в массах и потому обладавшего лишь эфемерной властью «Политцентра» не было другого выхода. Сдача власти Всесибирским краевым комитетом эсеров и «Политцентром» была еще одной иллюстрацией краха политики «третьей силы», очередным провалом попытки создать промежуточную власть.

«Я спрашиваю свидетеля Филипповского», — говорил в своей речи на процессе эсеров в 1922 г. Н. В. Крыленко, — «Когда вы... подняли восстание в Черноморье против Деникина, когда

вы вместе с большевистскими организациями свергли власть Деникина, вставал ли перед вами вопрос, какая государственная система должна быть вместо Деникина? Или, другими словами, кто будет политическим гегемоном при дальнейшем строении политической жизни, рабочий класс или эта бесформенная третья сила?» Филипповский сказал: «Мы передали власть большевистскому ревкому».

«Про Сибирь я спрашивал обвиняемого Ракова, и оказалось: когда после ниспровержения Колчака встал тот же самый политический вопрос, кто же будет гегемоном в решении вопроса дальнейшего политического бытия Сибири, ответ опять-таки дала жизнь. Жизнь велела, и вы практически передали власть большевистскому Сибирскому революционному комитету. Вот как жизнью решался вопрос о третьей силе всякий раз, когда он ставился практически»^[60].

Кроме того, что создание «третьей силы» было нереально, позиция ее сторонников, несмотря на декларирование отказа от вооруженной борьбы с Советской властью и от коалиции с буржуазией, являлась позицией пособничества белогвардейцам. Во-первых, потому, что середины быть не могло и на практике эта середина превращалась в диктатуру буржуазии, прикрытую пышными фразами об Учредительном собрании и демократических свободах. Мечты о несуществующей «третьей силе» объективно помогали буржуазии, так как своими колебаниями и призывами к всеобщей, т. е. буржуазной, демократии ее проповедники ослабляли диктатуру пролетариата.

Во-вторых, сторонники «третьей силы», даже лучшие из них, искренне верившие в возможность существования «золотой середины», защищали как раз те идеи, которые везде прикрывали демократической ложью господство капитала и помогали буржуазии и ее вождям в их борьбе против Советской власти, за его восстановление.

В-третьих, поборники «третьей силы» выступали против совместной борьбы с реакцией, против союза с Советской властью, полностью оправдывая слова: «Кто не с нами, тот против нас». Они стремились использовать трудности, переживавшиеся молодой Советской республикой, для того чтобы добиться от Советского правительства уступок в пользу буржуазии, предлагая при этом условия поддержать Советскую власть. «Эти „условия“ меньшевиков и эсеров, — писал В. И. Ленин, — означают вот что: мы, меньшевики, эсеры, колеблемся в сторону капиталистов, и мы хотим „единого фронта“ с большевиками, против которых идут капиталисты, используя всякую уступку!»^[61].

Таким образом, меньшевики и эсеры, сторонники «третьей силы», выступали как пособники белогвардейцев, «одни — сознательные и злостные, другие — по неразумию и по упорству в старых ошибках, но все — пособники белогвардейцев»^[62].

На переходе к «новой тактике», проводившейся эсерами и меньшевиками до конца гражданской войны, история «демократической контрреволюции» не заканчивается. Это был второй период в истории контрреволюционной деятельности мелкобуржуазных партий после Октябрьской революции. На первом этапе мелкобуржуазные партии приняли на себя обязанности основных организаторов борьбы за свержение Советской власти, выступая в роли наиболее активной контрреволюционной силы, за спиной которой притаилась до поры до времени буржуазно-помещичья реакция. Мелкобуржуазные демократы мечтали о «середине», однако ее не было и не могло быть в этом царстве Учредительного собрания, где их лидеры начинали еще раз министерские карьеры^[63]. В этот период меньшевики и эсеры, указывал В. И. Ленин, «проделали, как и в истории с Керенским, тот же кровавый политический путь, приведший их к старой исходной точке и показавший полный крах идеи коалиции»^[64]. В феврале — июле 1917 г. их политика привела к установлению полновластия буржуазного Временного правительства, теперь она расчистила путь к власти Колчаку, Деникину и им подобным.

Выполнив свою грязную работу, «демократическая контрреволюция» в конце 1918 г. уступила пальму первенства прямой интервенции и военно-террористической белогвардейской диктатуре. На этом, втором этапе, продолжавшемся до весны 1920 г., эсеро-меньшевистская контрреволюция как бы отошла на второй план. Она выступала в первую очередь как подсобная сила интервентов и белогвардейцев, на которых международным империализмом и внутренней реакцией была сделана главная ставка.

В конце гражданской войны и в начальный период нэпа остатки мелкобуржуазных партий опять стали проявлять значительную активность и усилили свою антисоветскую деятельность, стремясь подготовить почву для реставрации капитализма.

«Чистая демократия» в авангарде контрреволюции

После разгрома интервентов и белогвардейцев руководители мелкобуржуазных партий решили, что теперь уже никакие тактические соображения не мешают им вести ничем не ограниченную борьбу против Советской власти. В сентябре 1920 г. конференция эсеров записала в резолюции, что, поскольку контрреволюционная опасность сходит со сцены, период действия решений IX Совета партии подходит к концу и она «предвидит неизбежность в будущем возобновления вооруженной борьбы с большевистской властью»^[65]. Затем в Париже была возобновлена коалиция с кадетами.

В феврале 1921 г. X Совет партии эсеров принял постановление, в котором было сказано, что «вопрос о низвержении диктатуры коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня». ЦК меньшевиков не выступал открыто за возобновление вооруженной борьбы с Советами, но осенью 1920 г. он дал директиву местным организациям об усилении саботажа, стачечного движения и других антисоветских действий.

Еще до этих постановлений развернулась подготовка антисоветских заговоров и мятежей, а руководство ими было возложено на «Административный центр», орган «Внепартийного демократического объединения», созданного в июле 1920 г. на съезде заграничных представителей меньшевиков и эсеров, на средства империалистов и белогвардейских эмигрантских организаций.

Летом 1920 г. ЦК эсеров предложил приступить на местах к созданию якобы беспартийных, а фактически эсерово-кулацких «Союзов трудового крестьянства», цель которых заключалась в подготовке и разжигании кулацких мятежей. Местным организациям партии вменялось в обязанность «указывать этому движению здоровые пути и лозунги, содействуя организации на освобожденной территории местных органов демократической государственности».

Мелкобуржуазные партии старались использовать для контрреволюционной агитации тяжелое экономическое положение страны, резкое сокращение потребления трудящихся в результате упадка народного хозяйства, вызванного империалистической и гражданской войнами, трудности перехода к мирному строительству.

Делая ставку на продовольственные затруднения и недовольство части крестьян политикой военного коммунизма, ЦК эсеров стремился централизовать отдельные проявления этого недовольства в кулацкие мятежи. В директиве о тактике партии он рекомендовал партийным организациям, «выдвигая лозунг решительного искоренения большевистской диктатуры... всеми силами предостерегать крестьянство от разрозненных стихийных выступлений, разъясняя всю их практическую нецелесообразность». Вожди эсеров мечтали о большем. Суммируя различные материалы о их деятельности, ВЧК в докладе от 24 июля 1921 г. пришла к совершенно определенному выводу, что партия социалистов-революционеров «явилась организатором и вдохновителем кулацких бунтов и вела энергичную работу по подготовке всеобщего восстания против власти Советов». Что же касается деятельности меньшевиков, то она характеризовалась так: «Партия меньшевиков, на словах высказывающаяся против насильственного свержения Советской власти, в последние месяцы поддерживала всякое движение недовольства... стараясь внести в это движение организованность и планомерность»^[66].

На почве продовольственных трудностей, снижения жизненного уровня удавалось кое-где вызвать колебания и некоторых групп пролетариата. «Рабочий класс, — писал Ем. Ярославский о положении в стране в 1921 г., — был обессилен, распылен, в значительной степени разбросан по деревням, окруженный мелкобуржуазной стихией, подверженный частично влиянию кулацких настроений. Немудрено, что при таких условиях и в городах кое-где появилось

недовольство среди отсталых слоев рабочего класса»^[67] Однако главная ставка в борьбе против Советской власти была сделана на кулацкие мятежи. Используя голод, разруху, недовольство продразверсткой, мелкобуржуазные партии организовали в 1920–1922 гг. «малую гражданскую войну» — серию антисоветских выступлений, получивших общее собирательное название эсеро-кулацкого политического бандитизма.

Кулацкие банды выступали со своими платформами, которые были сформулированы партией эсеров и выражали их социально-политические цели. Так, в программу крупнейшего кулацкого мятежа — антоновщины, так же как и в программы эсеро-кулацких мятежей Поволжья и Сибири, были включены пункты, предусматривавшие свержение Советской власти и замену ее Учредительным собранием; установление, впредь до созыва Учредительного собрания, временной власти из представителей партий и союзов, участвующих в борьбе с большевиками, «крестьянской диктатуры — истинного народовластия»; отмену продразверстки и свободу торговли; денационализацию промышленных предприятий; ликвидацию колхозов и совхозов и уравнильное землепользование; ликвидацию коммунистической партии и др. В целом программа кулацких мятежей и «Союза трудового крестьянства» была программой замены диктатуры пролетариата буржуазной республикой. Поволжский «Комитет по ликвидации коммунизма», созданный эсерами, прямо заявил, что «буржуазная республика в России неминуема». Лидер меньшевиков Мартов также подчеркивал, что «целью борьбы, как и прежде, является возможно безболезненный переход от режима диктатуры... к режиму демократической республики».

Таким образом, эсеры и меньшевики вновь встали во главе контрреволюции и после того, как провалились планы свержения диктатуры пролетариата силами интервентов и белых армий, международный империализм и внутренняя контрреволюция все свои надежды опять возложили на мелкобуржуазные партии. Это обстоятельство неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. «Вся буржуазия помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам, — говорил он на III конгрессе Коминтерна. — Эсеры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции. Нынешней весной мы имели случай ознакомиться с плодами этого контрреволюционного содружества»^[68]. Раскрывая закономерность этого явления, В. И. Ленин в ряде своих работ обращается к письму Ф. Энгельса А. Бебелю, в котором подчеркивалось, что «чистая демократия» в качестве крайней буржуазной партии может оказаться последним якорем спасения для всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент за ее спиной окажется вся реакция, вокруг нее сплотятся буржуазия, остатки феодального имущего класса и большая часть мелкой буржуазии. Наш единственный противник в день кризиса и на следующий за ним день, писал Ф. Энгельс, объединенная реакция, группирующаяся вокруг чистой демократии, и этого, я полагаю, не следует упускать из виду^[69].

Дело заключалось в том, что для осуществления своей реставраторской программы контрреволюции было необходимо любым путем заручиться поддержкой какой-либо части масс, а для этого — выдвинуть определенные лозунги и выработать тактические приемы. В годы интервенции и гражданской войны враги Советской власти выступали либо под открыто белогвардейским монархическим флагом «единой и неделимой России», либо под прикрытием буржуазных лозунгов типа «Вся власть Учредительному собранию». Но теперь положение изменилось. Открыто выступать против Советской власти стало невозможно. Выставлять вслед за Деникиным и Колчаком контрреволюционно-монархические лозунги было бессмысленно. За знаменем с двуглавым орлом не пошел бы никто, кроме кучки уцелевших белогвардейских офицеров и дворян-помещиков. Утратил доверие масс, в том числе крестьянства, и лозунг Учредительного собрания. «Учредилка у них ругательное слово, — говорил В. И. Ленин. — Не

только у развитых коммунистов, но и у крестьян. Они знают из практической жизни, что Учредительное собрание и белая гвардия означают одно и то же, что вслед за первым неминуемо приходит вторая»^[70].

Поскольку лозунги, под которыми шло «белое движение», безнадежно утратили даже малейшую популярность, их знаменосцам не приходилось рассчитывать на какую-либо поддержку сколько-нибудь значительных групп населения. Оставались лозунги «чистой демократии», представителями которой в России были меньшевики и эсеры. Поэтому и лозунг «Вся власть Учредительному собранию» быстро исчезает из призывов контрреволюционных партий и платформ антисоветских мятежей. Штаб, возглавлявший западно-сибирский кулацкий мятеж, на первый план выдвигал не созыв Учредительного собрания, а лозунг «Да здравствует народная Советская власть! Долой коммунистов!». Лозунг «Долой коммунистов, да здравствуют Советы!» приняли даже остатки белогвардейских банд в Алтайском крае, вначале выступавшие под лозунгом Учредительного собрания, что, однако, не мешало ни тем, ни другим разгонять Советы и создавать органы своей власти, отменять советские законы, требовать восстановления органов, действовавших при Временном правительстве, и т. д.

Наиболее четкое выражение новая ориентировка нашла во время Кронштадтского мятежа, который наряду с антоновщиной был наиболее крупной из контрреволюционных авантюр, организованных партиями «демократической контрреволюции». Когда в Кронштадт прибыл представитель вождя эсеров Чернов, его предложение о созыве Учредительного собрания было отвергнуто. Руководители мятежа в опубликованной в их газете статье «За что мы боремся», повторив старые сентенции эсеро-меньшевистских контрреволюционеров о неизбежности «третьей революции» в России, о борьбе на два фронта и необходимости свержения «диктатуры большевистской партии», далее заявляли, что «рабочие и крестьяне неудержимо идут вперед, оставляя за собой и Учредилку с ее буржуазным строем и диктатуру коммунистов с ее чрезвычайками и государственным капитализмом». Теперь общими для всех антисоветских и антисоциалистических сил стали лозунги «Свободные Советы», «Вся власть Советам, а не партиям», «Советы без коммунистов», требования децентрализации управления промышленностью, свободы торговли. Эти лозунги поддерживали и кадеты, так как они были формой обмана трудящихся с целью свержения диктатуры пролетариата и реставрации капитализма и за ними скрывалась не только Учредилка, но и белогвардейщина.

Рассматривая в работах этого периода роль мелкобуржуазных партий, В. И. Ленин прежде всего обратил внимание на отношение к ним буржуазии, на их взаимосвязь. «Совершенно ясно, — говорил он по поводу Кронштадтского мятежа, — что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев, и вместе с тем движение это свелось к мелкобуржуазной контрреволюции, к мелкобуржуазной анархической стихии». Большевики десятки лет боролись с мелкобуржуазными, анархическими элементами в русской революции. И опыт истории показывает, что все выступления мелкобуржуазных партий начинались под лозунгами равенства, свободы, учредилки и каждый раз «оказывались простой ступенькой, мостиком для перехода к белогвардейской власти»^[71]. Лидерам буржуазии стало понятно, что «теперь в России на политической арене борьбы есть место только для социалистической партии». В подтверждение этого В. И. Ленин приводит рассуждения вождя буржуазии Милюкова, который писал, что, поскольку «эсеры и меньшевики желают взять на себя труд борьбы с большевиками, постольку им — эсерам и меньшевикам — „честь и место“^[72]. Буржуазия этим выражала свою готовность поддержать кого угодно, лишь бы свергнуть большевиков, рассчитывая потом „шлепками прогнать“ анархистов, черновых и мартовых: „Лишь бы передвижка власти от большевиков, все равно, немного вправо или немного влево, а остальное приложится...“^[73].

Милюков и другие политические руководители буржуазной реакции понимали, исходя из опыта истории, что мелкобуржуазная демократия не способна удержать власть и явится лишь ступенькой к полновластию буржуазии, и потому охотно уступали первенство меньшевикам и эсерам. Выполняя социальный заказ буржуазии, мелкобуржуазные партии должны были побудить колеблющуюся мелкобуржуазную массу отшатнуться от большевиков и осуществить „первую передвижку“ власти от них, за которой последовала бы реставрация капитализма. Передвижка должна была произойти под лозунгом „Советы без большевиков“, который практически означал борьбу против большевиков любой ценой и при помощи которого буржуазные политики пытались, используя популярность Советов, поймать на удочку часть населения^[74].

Эти выводы В. И. Ленина легли в основу партийных решений и выступлений видных деятелей нашей партии по данному вопросу. Ем. Ярославский писал, показывая значение лозунга „Советы без коммунистов“ как одного из важнейших атрибутов контрреволюции: „Вся власть Советам, а не партиям“, — такой ярлык нацепила на себя контрреволюция. Милюков — сподвижник всех белых правительств и белых генералов; капиталисты и помещики — русские и иных наций — во главе с французским банком; левые и правые эсеры, меньшевики и анархисты, домовладельцы и лавочники, спекулянты и махновцы — все объединились сейчас под этим лозунгом.»^[75].

Обобщив исторический опыт революционной борьбы рабочего класса, В. И. Ленин убедительно доказал, что диктатуру пролетариата невозможно осуществить иначе, как через коммунистическую партию. В своей замечательной работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» он писал, что диктатура пролетариата есть упорная борьба против сил и традиций старого общества и «без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно»^[76].

Огромное, решающее значение руководства марксистско-ленинской партии для власти трудящихся всегда учитывали и учитывают антисоциалистические силы. Об этом свидетельствуют не только лозунги типа «Советы без коммунистов», но и тот факт, что попытки реставрации капитализма, как правило, всегда начинались с атаки на руководящую роль марксистско-ленинской партии и стремления создать политические партии, оппозиционные коммунистам. Попытка возродить оппозиционную партию с легальной программой, как об этом сообщал МК РКП (б) в письме партийным организациям, была предпринята и во время обострения классовой борьбы при переходе к нэпу. В расколах и трениях эсеровского подполья, говорилось в письме, складывается самостоятельное политическое оформление мелкой буржуазии. Происходившая 5–7 июля 1922 г. в Москве конференция с «необычайной до сих пор отчетливостью стала на ее классовую позицию». На этой конференции произошло объединение левых эсеров с эсерами-максималистами, которые также выступали под лозунгом «Власть Советам, а не партиям». Предложенная экономическая программа включала в себя требования сокращения производства до размеров емкости сельскохозяйственного рынка, кредитования сельского хозяйства за счет сокращения кредитования промышленности, восстановления вольной кооперации, допущения торговли с границей и т. п. В политической области предлагалось «восстановить полновластные Советы равноправных трудовых крестьян и рабочих, свободу слова, печати, собраний». МК РКП (б) предупреждал коммунистов, что эта мелкобуржуазная программа представляет определенную опасность, так как по своим синдикалистским воззрениям на организацию народного хозяйства, резко отрицательному отношению к хозяйственным госорганам, концессиям и т. д. «может найти почву и среди

полукрестьянских элементов на заводах»^[77].

Одна из особенностей тактики «демократической контрреволюции» на этом этапе состояла в том, что далеко не всегда и не везде меньшевики и эсеры выступали от имени своих партий — слишком уж непопулярны стали их названия. Стараясь оттолкнуть от большевиков мелкобуржуазную массу и совершить «передвижку власти» в пользу капиталистов и помещиков, они научили перекрашиваться в «беспартийных»^[78]. В обзоре политического положения по сведениям, поступившим 5 октября 1921 г. из 51 губернии, ЦК РКП (б) отмечал, что «работа эсеров и меньшевиков везде ведется подпольно, открыто же те и другие работают под видом беспартийных как в городах, так и в деревнях юга, Украины и Сибири. Первые — преимущественно в деревенской кооперации, вторые — в городе, в кооперациях и отчасти в профсоюзах»^[79].

Мелкобуржуазные партии пытались вести борьбу с Советской властью и большевиками и легальными средствами: проникать в Советы, превратить в базу антисоветской деятельности кооперацию, использовать для целей контрреволюции Всероссийский съезд врачей, агрономический съезд, съезд сельскохозяйственной кооперации. «Легальные съезды и „общественные“ организации вышеуказанного характера, — отмечалось в резолюции XII Всероссийской конференции РКП (б), — служат для эсеров и меньшевиков, а также для других контрреволюционных групп и течений, вплоть до конституционно-монархических, ареной для проведения этой последней тактики „использования легальных советских возможностей“^[80].

Вместе с тем В. И. Ленин считал нужным отметить, что не все представители мелкобуржуазных партий выступают с контрреволюционными лозунгами вполне осознанно. „Только среди этих течений, — писал он, — осталось сколько-нибудь заметное число лиц, которые защищают капитализм не из корыстно-классовых мотивов, а идейно, продолжая веровать в неклассовое значение проповедуемых ими „демократии“, „равенства“, „свободы“ вообще“^[81]. И в элементах защиты капитализма из идейных побуждений В. И. Ленин видел одну из причин сохранения ими некоторого политического влияния среди отдельных групп населения.

В. И. Ленин в своих работах рассматривал меньшевиков и эсеров как российскую разновидность партий II и II½ Интернационалов. Называя меньшевиков и эсеров русскими представителями международного социального типа мелкобуржуазных демократов, он предлагал „особенно подробно разяснить 1) фактическую связь наших меньшевиков и эсеров с общим фронтом помещиков и буржуазии против Советской власти... 2) обратить особое внимание на разяснение тождества наших меньшевиков и эсеров с вождями II и II½ Интернационалов...“^[82]. В своих работах В. И. Ленин показывал общность исторического пути, пройденного и теми и другими. Он подчеркивал, что все они начали с предательства, скатившись на позиции социал-шовинизма. Блок меньшевиков и эсеров с Керенским и кадетами, а потом с Колчаком и Деникиным в России, так же как и блок их заграничных единомышленников с буржуазией своих стран, был переходом на сторону буржуазии против пролетариата, делал их соучастниками империалистического бандитизма^[83].

Подчеркивая единство сущности идеологической и политической платформы всех мелкобуржуазных течений, В. И. Ленин указывал, что и „мелкобуржуазный реформизм, т. е. прикрытое добренькими демократическими и „социал“-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле“, и оппортунизм „в духе II и II½ Интернационалов“ имеют одну и ту же суть и являются лишь разными формами проявления мелкобуржуазной идеологии^[84].

Опыт и урок Кронштадта, отмечал В. И. Ленин в „Планах брошюры „О продовольственном налоге““, еще раз показал, что необходима непримиримая борьба против меньшевиков, социалистов-революционеров, анархистов^[85]. Представителен мелкобуржуазной демократии, которые на деле являлись прислужниками русской и иностранной буржуазии, вели идеологическую борьбу против Советской власти и осуществляли идейное и организационное руководство бандитизмом и кулацкими мятежами, нужно было изолировать от масс, применяя для этой цели различные формы и методы.

Действия антоновцев и других эсеров-кулацких банд сводились к налетам на Советы, грабегам, уничтожению государственного и кооперативного имущества и отличались неслыханными зверствами. В соответствии с программой и целями эсеров-кулацкого „Союза трудового крестьянства“ банды, устанавливая свою кулацки-террористическую диктатуру, планомерно дезорганизовывали всю деятельность Советского аппарата, сжигали помещения Советов и физически уничтожали служащих советских учреждений. Они с остервенением грабили и громили кооперативы, — совхозы, коммуны, сельхозартели. Мятежники взрывали железнодорожные пути, разрушали линии связи, срывали подвоз и заготовку топлива. Эсеров-кулацкий бандитизм нанес огромный ущерб народному хозяйству страны. Только за первую половину 1921 г. на сыпных пунктах и железных дорогах они разграбили 20 млн. пудов зерна. В результате их погромной деятельности положение в ряде губерний было буквально катастрофическим. В Тюменской губернии посевная площадь в 1921 г. уменьшилась на 1/4, в Тамбовской — количество безлошадных и бескоровных крестьян возросло на 1/3, в Саратовской — было уничтожено на 19 млн. руб. сельхозинвентаря и т. д.

Огромное число рабочих и крестьян, коммунистов, советских служащих стали жертвами бандитского террора. В Тамбовской губернии от рук бандитов погибло около 2 тыс. коммунистов и советских работников; в Новоузенском, Пугачевском, Камышинском и других уездах Поволжья были убиты несколько тысяч рабочих и крестьян, в Бузулуке — расстреляны более 50 рабочих-железнодорожников, в Тобольске — 200 человек и т. д.^[86]

Этот страшный перечень можно было бы продолжить.

Коммунистическая партия и Советское правительство повели решительную борьбу против бандитизма и контрреволюционных выступлений мелкобуржуазных партий. Огромную роль, помимо военных операций, в ликвидации бандитизма и мятежей сыграла разъяснительная, пропагандистская, идеологическая работа Коммунистической партии в массах. Руководитель операций по ликвидации антоновщины М. Н. Тухачевский особо подчеркивал, что военные мероприятия „должны закрепляться правильно поставленной советской работой... По мере того; как будет совершенствоваться и углубляться советская работа — бандитизм или кулацкое повстанчество будет ликвидироваться“. Колоссальное значение для ликвидации мятежа, в первую очередь для того, чтобы отколоть от мятежников обманутых ими крестьян-середняков, имел прием В. И. Лениным 14 февраля 1921 г. делегации крестьян Тамбовской губернии и проведенное по его предложению досрочное снятие в губернии продразверстки.

Решающую предпосылку для полного искоренения эсеров-кулацкого бандитизма создал переход к новой экономической политике. Отмена продразверстки выбила почву из-под ног эсеров-кулацкой контрреволюции. Случайно, вопреки своим классовым интересам втянутая кулаками в борьбу против Советской власти, часть трудящегося крестьянства увидела в этом переходе стремление Советского правительства и Коммунистической партии покончить с разрухой и обнищанием, поднять крестьянское хозяйство.

Вместе с тем большевики стремились привлечь к сотрудничеству тех членов мелкобуржуазных партий, которые отказались от антисоветской политики. РКП (б) считала, что применение репрессий по отношению к группам, пытающимся вернуть отвоеванные у них

пролетариатом позиции, диктуется революционной целесообразностью. Однако она предупреждала партийные организации о недопустимости их переоценки. Прибегая к репрессивным мерам, партийные органы должны были твердо помнить, что только в сочетании с целым рядом других мер репрессии могут привести к желательному результату, т. е. к ликвидации мелкобуржуазных партий как антисоветских политических факторов.

Эта линия партии нашла свое выражение в первые годы нэпа в резолюции XII Всероссийской конференции РКП (б) (август 1922 г.) „Об антисоветских партиях и течениях“. В ней, с одной стороны, указывалось на необходимость „применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием“^[87]. С другой стороны, конференция указывала, что „партия должна делать все, что от нее зависит, для того, чтобы помочь кристаллизации тех течений и групп, которые обнаруживают действительное желание помочь рабоче-крестьянскому государству. Начиная от столицы и кончая уездным городом, партия должна терпеливо, систематически и настойчиво проводить именно эту линию для того, чтобы облегчить указанным элементам переход к сотрудничеству с Советской властью“^[88].

Самую трудную часть задачи по борьбе с мелкобуржуазной идеологией взял на себя и блестяще выполнил В. И. Ленин. В период обострения борьбы на идеологическом фронте в 1921–1922 гг., он неоднократно выступал против меньшевиков, эсеров и оппортунистов II Интернационала устно и в печати.

В его речах и статьях были раскрыты причины сохранения и оживления мелкобуржуазной идеологии в конце гражданской войны и при переходе к нэпу. Мелкобуржуазная идеология неизбежно порождается мелкобуржуазными экономическими отношениями, указывал В. И. Ленин. Их развитие порождает „соответствующие политические партии“^[89]. И в условиях нэпа меньшевизм, эсеровщина и анархизм являлись „надстройкой над остатками капитализма и над мелким производством“^[90]. Уже в силу этого обстоятельства их ждал неминуемый идейно-политический крах, закономерность которого подтверждалась всем опытом истории. „...Все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, — говорил В. И. Ленин, — осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет. Все, кто о ней мечтает, пустые мечтатели, фантазеры. Их опровергает политика, экономика и история“^[91]. Когда революция стала уже бесспорной силой и правящие классы не только видят, но и чувствуют непобедимую мощь угнетенных масс, подчеркивал он, весь вопрос для теоретиков и для практических руководителей политики сводится к точному классовому определению революции, которое невозможно дать без понятия „диктатура“. Нельзя „признавать“ революцию и одновременно отказываться от признания диктатуры определенного класса. Это несовместимые позиции, и те, кто их придерживается, „как раз и обнаруживают этим свой реформизм, свою полную негодность в качестве революционеров“^[92].

Отвергая диктатуру пролетариата, мелкобуржуазные партии и в годы нэпа пытались противопоставить ей идею „демократии для всех“, т. е. ту же обанкротившуюся идею, с которой они в свое время „торжественно провалились прямо к власти Колчака“. Продолжая и развивая критику лозунгов „третьей силы“ и „чистой демократии“, В. И. Ленин в работах первых лет нэпа показал, что объективная действительность превращает их в орудие господства буржуазии и это подтверждается историей революции и гражданской войны, что под этим знаменем, как и в годы

войны под лозунгом „Вся власть Учредительному собранию“, сплачиваются и объединяются все контрреволюционные силы.

В. И. Ленин опроверг и фальшивые доводы эсеров и меньшевиков о том, что в стране нельзя осуществить диктатуру рабочего класса, так как пролетариат-де деклассирован. Он убедительно доказал, что, несмотря на большой урон, который рабочий класс понес в годы империалистической и гражданской войны, он вполне может осуществить задачу завоевания и удержания власти [\[93\]](#).

Эсеро-меньшевистские идеологи, как и раньше, продолжали утверждать, что социалистическая революция в такой крестьянской стране, как Россия, невозможна, а Октябрьская революция является буржуазной. Извращая сущность и характер нэпа, они пытались представить его как поворот назад, к капитализму, как доказательство буржуазности Октябрьской революции и провала политики большевистской партии. В. И. Ленин в статьях, докладах и речах опроверг эти измышления эсеров и меньшевиков. Он раскрыл в них роль лидеров мелкобуржуазных партий, как проводников идей буржуазии и показал огромный вред капитулянтских рассуждений о буржуазном характере Октябрьской революции и неизбежности капиталистической реставрации.

Основной мотив у меньшевистствующих, так же как у эсеров и лидеров II и II½ Интернационалов, писал В. И. Ленин, таков: „Большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной, и Октябрьская в том числе!“[\[94\]](#). В переходе к нэпу они видели торжество своих теорий и питали надежду на капитуляцию РКП и установление „демократической“ коалиционной власти»[\[95\]](#).

В. И. Ленин подчеркивал, что за четыре года были завоеваны прочные позиции и пространство для маневра, и если мы сейчас отступили, то отступили, сохраняя власть рабочего класса в союзе с крестьянством[\[96\]](#). Союз с крестьянством не отрицали и меньшевики. Однако, что, по их мнению, означал этот союз? «Меньшевики рассуждают так, — говорил Ленин, — крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, а потому большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма», т. е. они по-прежнему рассматривали крестьянство лишь как союзника буржуазии, исходя из этого, союз с ним рабочего класса — как средство реставрации капитализма. Большевики же вкладывали в понятие союза совершенно иное содержание: «...пролетариат освобождает крестьянство от эксплуатации буржуазии, от ее руководства и влияния и привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплуататоров» [\[97\]](#). И развивая эту мысль в докладе на III Конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин формулирует свой знаменитый вывод: «Высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть»[\[98\]](#).

Контрреволюцию, прикрывавшуюся мнимodemократическими лозунгами, несмотря на все ухищрения, постигло сокрушительное поражение. Олицетворявшие ее мелкобуржуазные партии в результате своей контрреволюционной политики потеряли всякую опору в массах, потерпели полный политический, идеологический и организационный крах, рассыпались и в начале 20-х годов исчезли с политической арены. «Мы все побеждены Советской властью, — вынужден был признать один из основных организаторов антисоветских заговоров и мятежей эсер Б. Савинков. — Побеждены и белые, и зеленые, и беспартийные, и эсеры, и кадеты, и меньшевики. Побеждены и в Москве, и в Белоруссии, и на Кавказе, и на Украине, и в Сибири. Побеждены в боях, в подпольной работе, в тайных заговорах и в открытых восстаниях... Прошло семь лет, мы распылены. Мы — живые трупы. А Советская власть крепнет с часу на час».

Наша страна укрепилась как государство диктатуры пролетариата, «государство, в котором

трудящиеся крестьяне под руководством рабочих строят социализм, решительно отказываясь от руководства капиталистов, которые, прикрываясь всякими пышными словами о демократии, свободе и т. п., на деле укрепляют частную собственность капиталистов и помещиков...»^[99]. Социализм перестал быть «вопросом отдаленного будущего», и Россия нэповская гигантскими шагами шла к России социалистической.

Вместо заключения

Завоевание рабочим классом под руководством марксистско-ленинской партии политической власти и установление диктатуры пролетариата является общеисторической закономерностью. При всем многообразии политических форм перехода от капитализма к коммунизму, указывал В. И. Ленин, диктатура пролетариата будет неизменно составлять их сущность^[100], но для ее утверждения необходима решительная борьба с влиянием на массы буржуазной идеологии и ее проводников. «...Мелкобуржуазная демократия, — подчеркивал В. И. Ленин, — не случайное политическое образование, не какое-нибудь исключение, а *необходимый* продукт капитализма», причем не только крестьянство «является „поставщиком“ этой демократии, но и культурно-капиталистическая, на почве крупного капитализма произрастающая кооперация, интеллигенция и т. п.»^[101]. Мелкобуржуазные партии, «способные при каждом обострении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией становиться на сторону буржуазии», так же как и колебания мелкобуржуазных масс, явление исторически свойственное не только России. «Опыт свидетельствует, — говорится в Тезисах ЦК КПСС „К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина“, — что мелкобуржуазные элементы всюду, где им удастся оказывать свое влияние, пытаются воспрепятствовать нормальному ходу социалистических преобразований, противопоставлять друг другу страны социализма, оживлять оппортунистические, ревизионистские, националистические взгляды, на которых играет империализм. Такая опасность возрастает там, где допускается отход от принципов марксизма-ленинизма»^[102].

Во время выступления антисоциалистических сил в Чехословакии в 1968 г. ими для подготовки «мирного переворота» широко использовался лозунг «свободы личности». В этих событиях со всей отчетливостью проявилась прежде всего опасность правого ревизионизма, который под видом «улучшения», «гуманизации» социализма стремится выхолостить революционную сущность марксизма-ленинизма и таким образом расчищает путь буржуазной идеологии, буржуазной контрреволюции. Правооппортунистические деятели своей политикой открыли путь явно реакционным и контрреволюционным элементам, которые рвались вперед и готовы были устранить и этих деятелей, как только перестанут нуждаться в их поддержке^[103]. «Чехословацкие события, — говорил на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — вновь напомнили о том, что в странах, вступивших на путь строительства социализма, сохранившиеся в той или иной мере внутренние антисоциалистические силы могут при определенных условиях активизироваться и даже дойти до прямых контрреволюционных действий в расчете на поддержку извне, со стороны империализма, который, в свою очередь, всегда готов к блокированию с такими силами»^[104]. Недаром правый блок в Чехословакии нашел политическую, моральную и материальную поддержку со стороны империалистических сил.

Как показали события в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., антисоциалистические элементы свое наступление, как и «демократическая контрреволюция» в России, начинали с атак на коммунистические партии, на их руководящую роль. Современные ревизионисты выдвинули, например, теорию так называемого «политического плюрализма», согласно которой подлинная демократия может быть обеспечена лишь при наличии «организованной оппозиции», противостоящей коммунистической партии и пользующейся равными с ней правами. В создании так называемого «демократического социализма» видная роль поэтому отводилась восстановлению и возобновлению деятельности социал-демократической и других мелкобуржуазных партий, уже сошедших с политической арены. Это почти те же лозунги, что и распространявшиеся контрреволюционными силами в нашей стране

в 1921 г., смысл которых был глубоко раскрыт В. И. Лениным. И путь намечался тот же. «В Венгрии в 1956 г., — писал секретарь ЦК ВСРП Золтан Комочин, — интервал между провозглашением „чистой демократии“ и физическими репрессиями против коммунистов был коротким»^[105]. Немного времени понадобилось и антисоциалистическим силам в Чехословакии, чтобы вслед за заявлениями о «гуманизации» социализма перейти к травле партийных кадров, создать вокруг них атмосферу морального террора. Планы и цели контрреволюции и в Венгрии, и в Чехословакии были одинаковы. Поэтому и в Чехословакии враждебные силы рассчитывали на то, что в «подходящий момент, в случае, если их планы натолкнутся на сопротивление, они развяжут и физический террор против марксистско-ленинских кадров и граждан, преданных делу социализма»^[106]. Не случайно контрреволюционная платформа «2000 слов» являлась прямым руководством к насильственным действиям, открыто угрожала вооруженным конфликтом.

Вопрос о демократии, как отмечалось на XXIV съезде КПСС, и сейчас находится в центре идеологической борьбы между миром социализма и капиталистическим миром. Идеологи буржуазии все время пытаются противопоставить диктатуру пролетариата демократии, настойчиво стремятся навязать разного рода «демократизацию» социализма, чуждую интересам народа, но зато вполне отвечающую их целям сохранения и восстановления буржуазных порядков. Для современных проповедников «либерализованного социализма» характерно, в частности, отрицание экономической роли социалистического государства, подмена социалистической демократии политическим либерализмом буржуазного толка. Эта концепция сводит на нет централизованное планирование и управление народным хозяйством, рассчитана на развязывание конкуренции и рыночной стихии, чего в свое время добивались и лидеры мелкобуржуазной демократии в нашей стране и что ведет к реставрации или сохранению капитализма.

История борьбы с попытками реставрации капитализма в СССР и других социалистических странах показывает, что на определенных стадиях развития социалистической революции, когда буржуазия уже не может идти к массам со своими реставраторскими лозунгами, контрреволюция надевает демократическую маску, принимает форму «демократической контрреволюции». Она старается отравить сознание трудящихся реакционными идеями «чистой демократии» и «абсолютной свободы», враждебная сущность которых была раскрыта В. И. Лениным и подтверждена историей «демократической контрреволюции» в России.

Из этого вытекает, что и в современных условиях наш опыт борьбы с «демократической контрреволюцией», разработанные В. И. Лениным вопросы о принципах, сущности и задачах диктатуры пролетариата, его критика теоретической несостоятельности и разоблачение контрреволюционной роли теорий «чистой демократии» и «третьей силы» сохраняют свое непреходящее теоретическое и практическое значение. Они служат острым оружием в современной идеологической борьбе за социалистическую демократию, против современных проповедников «чистой демократии» и ее разновидностей.

Лучшим доказательством великой исторической роли диктатуры пролетариата как формы достижения социальной однородности общества, ее демократической сущности является построение в СССР развитого социализма и возникновение новой исторической общности — советского народа. Как подчеркивается в докладе Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», «государство диктатуры пролетариата, выполнив свою великую историческую миссию, постепенно переросло в общенародное социалистическое государство трудящихся, руководящей силой которого остается рабочий класс»^[107].

Социально-политическое развитие советского общества показало, что только социализм несет трудящимся подлинную свободу, подлинную демократию и власть народа, и главным

политическим условием ее осуществления является руководящая роль Коммунистической партии как выразителя интересов рабочего класса и всех трудящихся.

Гусев Кирилл Владимирович

Г 96 История «демократической контрреволюции» в России. М., «Знание», 1973.

64 с. (Новое в жизни, науке и технике. Серия «История», 8).

В брошюре раскрывается начальный период гражданской войны в СССР, известный под названием «демократической контрреволюции» и характеризующийся выдвижением мелкобуржуазных партий на первый план в качестве основных организаторов контрреволюционных сил. Автор показывает, как и почему мелкобуржуазные партии на определенном этапе оказались во главе контрреволюции, об их попытках проводить политику «третьей силы» и о крахе этой политики.

Освещение истории «демократической контрреволюции» весьма актуально, поскольку и сейчас враги социализма широко используют лозунги «чистой демократии» в том или ином виде.

notes

В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 427.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 15.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1970, стр. 53.

Кавеньяк Луи Эжен — французский генерал, который будучи министром, с исключительной жестокостью подавил восстание парижских рабочих в июне 1848 г. и возглавил военную диктатуру, «диктатуру буржуазии при помощи сабли», как назвал ее К. Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 39).

См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 156, 195.

«Правда», 1967, 16 марта.

«Правда», 1967, 16 марта.

«Союз 17 октября». Крайняя правая партия крупной торгово-промышленной буржуазии и помещиков. Свое название получила от опубликованного 17 октября 1905 г. царского манифеста.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 150.

Трепов — московский обер-полицмейстер, а затем — петербургский генерал-губернатор. Инициатор черносотенных погромов, душитель революции 1905 г. Распутин — аферист, имевший большое влияние при дворе Николая II. «Прогрессивный блок» — объединение в IV Государственной думе фракций буржуазно-помещичьих партий.

В. И. Л е н и н. Полн. собр... соч., т. 32, стр. 130.

Там же, стр. 439.

В. И. Ленин. Полн. собр... соч., т. 31, стр. 135.

В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 237.

«Вопросы истории», 1967, № 3, стр. 211.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 63.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 311.

Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России (1910–1920 гг.). М., 1969, стр. 61.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 361.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 172.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 345–346.

В. И, Ленин. Полн, собр, соч., т, 34, стр. 2.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 346.

В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 22.

Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма, М., 1966, стр. 127–128. Следует иметь в виду, что в понятие «рабочий класс» эсеры включали и пролетариат, и крестьянство, и интеллигенцию.

«Народные социалисты» — крайняя правая мелкобуржуазная партия, которую В. И. Ленин назвал «эсеровскими меньшевиками», ее программа мало чем отличалась от программы кадетов.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 36.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 45.

«Исторический архив», 1961, № 6, стр. 63.

Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.—Л., 1928, стр. 37–38.

См. Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968, стр. 85.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 164.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр 151.

«Правда», 1918, 4 января.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 227–228.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 129.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 169.

В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 44, стр. 103.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 17.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 17.

Протоколы заседания ВЦИК IV созыва. М., 1918, стр. 422.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 302.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 151.

Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в СССР. М., 1966, стр. 391.

В. И. Ленин. Полн. собр соч., т. 39, стр. 128.

В И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 156.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 16.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 313.

Д. Эрде. Меншевики. Харьков, 1930, стр. 64.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 60.

Там же, стр. 16.

«Вопросы истории КПСС», 1970, № 7, стр. 25.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 401–402.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 377.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 402.

М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны. М., 1962, стр. 264.

Н. В. Крыленко. Судебные речи. М., 1964, стр. 176.

В. И. Ленин. Полн, собр соч., т. 39, стр. 157.

Там же.

Там же, стр. 41.

Там же, стр. 86–87.

Из истории Всероссийском Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. М., 1958, стр. 455.

И. Я. Трифонов. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа, ч. 1. Л., 1964, стр. 59.

И. Я. Трифонов. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа, ч. 1, стр. 35.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 53. Имеется в виду Кронштадтский мятеж.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 218.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 43.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., Т, 43, стр. 24–25.

Там же, стр. 318.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 239.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 53.

«Правда», 1921, 31 марта.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.

«Вопросы истории КПСС», 1970, № 7, стр. 29–30.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 241.

Из истории первых лет Советской власти. Ученые записки ЛГУ. № 258. 1959, стр. 157.

КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., Политиздат, 1970, стр. 392.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 352.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 149.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 21–22.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 101.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 383.

См. И. Я. Трифонов. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа, ч. 1, стр. 115–125.

КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 395.

Там же, стр. 394.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 75.

В И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 352.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 136–137.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 373.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 310–311.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 101.

КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 391.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 10.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 42.

Там же, стр. 47.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 209.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр 410.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, стр. 36.

См. Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии И обществе после XIII съезда КПЧ. М., 1971, стр. 40.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1972, стр. 12.

«Проблемы мира и социализма», 1968, № 10–11, стр. 16.

Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ,
стр. 31.

Л. И. Б р е ж н е в. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1972, стр. 59.